

*Встань пораньше, взгляни в окно.
Видишь, солнце встает.
Это я плюнул кровью на дно
В голубой небосвод.*

П. Мамонов

*Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше!
Когда дворники маячат у ворот.
Ты увидишь, ты увидишь...*

Б. Окуджава

Встань пораньше

В профессии дворника много романтического. Зима, раннее утро, в морозном воздухе вкусно скрипит снег под ногами и шваркает лопата в тишине. Из рта вырывается пар, курить не хочется, а хочется быстрее закончить этот участок и перейти к следующему. Редким проходим – холодно, а тебе – хорошо, можно даже скинуть куртку и по-молодецки, в одном свитере кидать снег. Но лучше не торопиться, а спокойно работать, вдыхая действительно свежий воздух и наслаждаясь физической нагрузкой. Главное, одеться правильно, чтобы не пропотеть насквозь. И внезапно становится светло, только что рубил лед практически на ощупь, а через пять минут – все видно как днем. Поднимешь голову – ага, у населения начинается трудовой день. Серега, что убирается у соседнего здания АТС, опохмеляется найденной недопитой бутылкой водки.

– Здорово, Серега! – кричу я ему.

Он пугается, чуть не роняет бутылку, но, убедившись, что все свои, отвечает:

– Блин, Владимирыч, ты когда-нибудь меня до инфаркта доведешь.

В общем, жизнь набирает обороты. А когда придешь домой и при-
мешь горячий душ, потом выпьешь чаю, то в теле будет звенеть удаль –
благодарные мышцы отвечают взаимностью.

И приятная усталость после работы.

Летом тоже нормально, опять же за счет раннего начала трудового
дня. Вокруг – никого, метешь, метешь, смотришь под ноги – лежат со-
кровища. И говно, конечно, лежит в изрядном количестве, но сокровищ
больше. Ополовиненная колода игральных карт, работающая зажигалка,
календарь за прошлый год, пакет с оборванной ручкой, красивая бутылка
из-под неизвестного мне напитка, черенок от сломанной метлы. Дружелюбные
бомжи заискивающе плющат банки, а суровые профессионалы деловито паку-
ют картон. Иногда, когда мне грустно, я профессионалов посылаю на хрен, и
они идут, а картон отдаю бомжам, и они не берут. Тогда я ругаю себя за
идеализм и складываю коробки рядом с мусорными баками – завтра заберут
(или уже сегодня).

А вокруг просыпается жизнь, состоящая, по раннему времени, из
звуков. Летом в основном слышно собирающийся дождь, первые троллейбусы
и ор недогулявших в овраге гоблинов, а зимой – как разговаривают
пролетающие (по своим делам) мимо ангелы.

1-й Ангел:

– Что сегодня на обед?

2-й Ангел:

– Амброзия с нектаром.

1-й Ангел:

– Опять амброзия? Мы же просили?

2-й Ангел:

– На складе, сам знаешь, Гавриил хозяйничает, а у него просто так ...

Не знаю, что у Гавриила «просто так», улетели ангелы, и я не дослушал.
Собрал инструмент и пошел домой. По дороге думал, как я это все ненавижу:
лопаты, ломы, метлы, обоссанные стены, обосранные углы, тысячи бутылок,
валяющиеся на моем участке, бомжей со струпьями на рожах, картонных
профессионалов, тупых и жадных, и романтизацию невеселой профессии –
вывозить за человечеством бесконечный мусор.

Зы. И насчет безлюдности я слегка погорячился, в четыре утра они
еще пьют, а в пять уже выходят опохмеляться.

Лопата

Надо нормальную лопату, а то этим истончившимся полуфабрикатом
работать нет никакой возможности. Обошел все окрестные хозяйственные
магазины, потом рынки – нет человеческих лопат, одни китайские. Невесомые
пластиковые и такие же из нержавейки неизвестного происхождения, толщиной
с жестянку для консервной банки. То есть хозяин-барин говорит:

– Купи инструмент, а я деньги отдам как-нибудь.

Я в ответ:

– Как-нибудь не надо, давай сейчас.

– На, – он протягивает пятьсот рублей, – купи чего понравится.

Ничего не нравится. Буквально. Берешь в руки, маешь – говно.

Нашел дедка поддатого у входа на рынок. Стоит, рекламный стенд подпирает и в зипун кутается, рядом пара лопат, одна – детская, а вторая – полунастоящая, с куском ножовочного полотна по торцевой кромке.

– Сколько? – спрашиваю и показываю на детскую.

– Триста пятьдесят.

– А эта? – тыкаю пальцем в полунастоящую.

– Триста двадцать.

– Чего так?

– Конкуренция.

Дал ему триста рублей, а двести, оставшиеся от хозяйских пятисот, решил себе зажать. Дедок деньги пересчитал два раза, немного проследился и заверил:

– По пятнадцать лет служат! Сносу нет, голубчик, – идохнул на меня перегаром.

А мужик, торгующий рядом болтами, уточнил:

– Ага, когда у забора стоят.

Первый снег

Зря я грешил на отсутствие положительной нагрузки. Фиг ли, всю прошлую неделю – прошелся по территории, собрал пустые бутылки, стаканы, сигаретные пачки – и домой. Ну, кинул пару лопат грязной снежной крупы от скуки. Подобрал пару бычков совсем от нечего делать. Пришел домой и опечалился.

А в этот вторник была мне нагрузка, снега выпало по пояс, небось, опять месячная норма за сутки. У нас что ни снегопад, то месячная норма выпадает, а то и полугодовая. Вот и в этот раз от души навалило. Умудохался так, что еле до дома дополз. Начал в шесть утра, а закончил в два дня. Получается полный рабочий день без обеда и перекуров. Часам к двенадцати, когда снег начал откровенно подтаивать, лопата уже от земли не отрывалась с мокрой кашей. Коллега, дворничиха баба Зина, подошла посплетничать и строго сказала:

– Говно у тебя лопата, Олежек.

– Так сейчас хороших лопат...

– А то я не знаю. Ладно, посмотрю там у себя что-нибудь.

И ушла, я даже поблагодарить не успел. А собака Жулька посмотрела на меня замученным поэтическим взором и ничего не сказала, так убежала.

Баба Зина уже на заслуженном отдыхе, а территорию убирает из любви к спорту.

– Чего, – говорит, – мне вместе с этой дурой так просто стоять, – и кивает на Жульку.

А здесь общеукрепляющая физкультура. Бабе Зине по паспорту лет сто, а на вид только семьдесят. Я сколько себя помню, она всегда дворничихой работала. Один раз мы – я и ее покойный муж Василий Петрович – сели под кустом на травке водку пить, так она нас метлой била и бутылку отняла. Короче, душевная женщина, но дюже строгая.

Тонус

Вообще, конечно, бодрячком.

Лопата-2

Подарила-таки мне баба Зина лопату. Сказала:

– На. За то, что моего дорогого покойника Ваську угощал.

Поди пойми этих женщин.

Снег продолжает идти, то есть безостановочно. Убрал у одного входа, пошел к другому, пока там разгребал, у первого опять навалило по самое не балуй. Пришлось сгребать и оттаскивать. Похоже, нет на свете более раздражающей работы, чем бессмысленная. Ну, не то что совсем бессмысленная, а уничтожаемая на твоих глазах. Убрал снег – через десять минут как будто не прикасался. Хотя все не зря, завтра, говорят, заморозки, а я более-менее выровнял пейзаж, и завтра не придется срубать ледяные торосы.

Лопата бабы Зины – шедевр. Дюралева, усиленная по бокам стальным уголком, режущая кромка, с приклепанной стальной полосой, отточена как меч. Одно неудобно: хочешь убрать снежок, а она срезает старый грязный лед до асфальта. А у меня договор с хозяином-барином – до плитки чистить только у входа. Дорогу же расчищать для проезда, не надрывая жопу.

Книга

Сегодня нашел разорванную книгу без обложки, полистал, отряхнув от снега, вот какой мне попался отрывок:

«Он размышлял о суете, ненужности, о пошлой фальши всего человеческого. Все возрасты постепенно проходили перед его мысленным взором (ему самому недавно минул 52-й год) – и ни один не находил пощады перед ним. Везде все то же вечное переливание из пустого в порожнее, то же толчение воды, то же наполовину добросовестное, наполовину сознательное самообольщение, – чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, а там вдруг, уж точно как снег на голову, нагрянет старость – и вместе с нею тот постоянно возрастающий, все разъедающий и подтачивающий страх смерти... и бух в бездну! Хорошо еще, если так разыграется жизнь! А то, пожалуй, перед концом пойдут, как ржа по железу, немощи, страдания... Не бурными волнами покрытым, как описывают поэты, представлялось ему жизненное море – нет; он воображал себе это море невозмутимо гладким, неподвижным и прозрачным до самого темного дна; сам он сидит в маленькой, валкой лодке – а там, на этом темном, илистом дне, наподобие громадных рыб, едва виднеются безобразные чудища: все житейские недуга, болезни, горести, безумие, бедность, слепота... Он смотрит – и вот одно из чудищ выделяется из мрака, поднимается выше и выше, становится все явственнее, все отвратительно явственнее. Еще минута – и перевернется подпертая им лодка! Но вот оно опять как будто тускнеет, оно удаляется, опускается на дно – и лежит оно там, чуть-чуть шевеля плесом... Но день урочный придет – и перевернет оно лодку».

Интересно, кто автор.

Бухарики

Пустая бутылка из-под виски. Что, другого места нет, чтобы бутылку вискаря оприходовать? Вот люди – все ко мне. И поссать, и поблеть, и виски пить.

Сегодня вышел в шесть утра, народ уже шарахается. Вроде одни и те же люди каждый день – половина здороваётся. Собрал бутылки и стаканы у служебного входа, пошел к мусорным бакам. Навалили картона из окрестных магазинов, пришлось до прихода профессионалов рвать и упаковывать. Потом двинул к центральному входу, покидал снежок, собрал пушнину, баллоны из-под пива, пару-тройку пустых сигаретных пачек. Вернулся к служебному, а там уже пьют. Чувак с бабайкой, прилично одетые, на снегу стоят две четверки и полторашка темного. Сами сидят по-лагерному на корточках, полы бабайкиной дубленки подметают плитку, что кстаги.

– Мы вам не мешаем? – спрашивают.

– Что вы, что вы, – отвечаю, – как можно, бухайте на здоровье.

Пришлось ждать, когда выпьют и уйдут, чтобы убрать за ними. А они сидят и сидят, я уже и там лопатой пошваркал, и здесь. От скуки разгреб снег у соседнего магазина, потом у входа в офис вневедомственной охраны.

А эти сидят.

Да и хрен с ними, пойду домой.

Зы. Пацаны из охраны дрыхнут в расставленных около подъезда машинах. Когда я начинаю кидать снег, в стеклах дверей появляются темные силуэты голов, а потом пропадают.

Коллеги

Соседский дворник, сука, сгреб весь накопившийся за месяц его безделья снег мне на участок. У него повыше площадь, около круглосуточного лабаза, и он просто скинул.

Разгребал полтора часа, решил при встрече вежливо ему попенять. Например, лопатой по голове или пешней по рукам. Тут хозяин-барин прикатил на своей «хонде», вылез радостный, заорал:

– Как оно?!

– Чего?

– Вон там еще почисть у тротуара, хотя и не обязательно.

Потом я открывал пожарный выход. Он у нас из земли произрастает, на газоне под стеной здания, железная дверь-люк. Я долбил по ней ломом, а она весело гудела. Придет инспектор, скажет:

– О-го-го!

А я ему:

– Всяко.

Ну, может, и не мне скажет, а барину, тогда он и ответит.

Когда пришел домой, в дверях не вписался и задел лопатой по наличке дверной коробки, на крашеной деревяшке остался красивый рубец.

Стакан

Заморозки наступили. Не зря, значит, я выровнял плацдарм, сегодня пришел – приятный ровный каток. Сам чуть не упал, спасибо, лопата в руках, на нее и опирался как на костыль. Пока расчищал дорогу, весь взмок и сдвинул шапку на затылок. Она у меня вязаная и белая, откровенно смешная, с красным помпоном, к которому еще и два шнурка привязаны. Мужик, что шел мимо, загляделся

на шапку и упал. Поскользнулся, бедолага. Встал и с большой укоризной произнес:

– А хоть бы ее вообще не было.

– ?

– Зимы!

– Ну...

– Вчера из Чебоксар возвращались, так на каждой колдобине буксовали. Жгли и жгли.

– Молодцы, – говорю.

– Ага. Стакан есть?

Дал я ему тару от такой хитрой водки, что в стеклянном стакане, а сверху картонкой заделана, сидраешь и пьешь. Стаканчик на вид граммов на сто, а вытащил я его из бака, он там сверху лежал на картоне. Вытащил, об штанину вытер и протянул мужичку:

– Держи.

– Спасибо, – ответил мужичок и, в свою очередь, достал из кармана чекушку.

– Будешь? – угощает.

– Ты что? Я на службе.

А он заржал и выпил все один, а стакан мне вернул.

Книга-2

Купил книжку Карякина В.С. «Челюскинская эпопея». Дивная штука. Придешь с мороза, напьешься чаю, сядешь в кресло, читаешь – хорошо. Жизнь, она вообще на контрасте нагляднее. Что там здешний холод и обиход по сравнению с арктическим. А имена летчиков, спасавших экспедицию? Водопьянов, Леваневский, Ляпидовский, Каманин, генералы, одно слово.

Вчерашние алкаши оставили все-таки пару бутылок на самом виду. Пришел с утра, ага, говорю, попались. А кому говорю, и сам не знаю. Хотя есть у меня одно предположение, что все слова, сказанные якобы безадресно, но вслух, обращены к нему. Нет, не так. К Нему, вот так правильно, с большой буквы. И Он, значит, должен все учесть. И запомнить. Чем, собственно, и занимается.

Собаки

Снега нет, собрал бутылки, стаканы, сигаретные пачки, прессанул картон и пошел кормить собак. Мне теперь у мусорных баков объедки (остатки?) оставляют неизвестные доброжелатели. Ну, то есть не мне, а собакам, знают, что я им столовую устроил. На крышке люка. Вынимаю еду из пакетов и раскладываю, а собачки уже ждут. Жулька иногда приходит, но не ест, а смотрит, ей деликатность не позволяет у бездомных деликатесы отнимать. Так просто постоит, подумает, тоже, видимо, на контрасте прикинет, какая у нее жизнь славная, и убежит.

– Куда ты, – кричу ей, – постой со мной.

– Некогда мне тут с тобой прохлаждаться, – ответит и дальше нарезает.

У нее при беге корму смешно заносит.

А сегодня в пакете – аккуратно так пакет лежал с краю – обнаружил дынные корки. У меня тут что? Обезьяны, что ли?

Снег

Только закончил убираться, как пошел снег. Густой такой, тщательный. Ну что ты будешь делать! Грести по новой? Ну его на фиг, пойду домой, пусть идет, завтра уберу. А то я этот приколы знаю – ты его убирал, а он все равно идет.

На часах – семь тридцать утра. Круглосуточный лабаз работает на грани возможного, то и дело хлопают двери, это страждущие торопятся. С пивком, с водочкой, с пачкой сигарет выбегают на улицу, а дальше по интересам. Кто на работу, а кто за угол, к мусорным бакам, удачно стоящим под прикрытием исподней стены магазина. А рядом, какая прелесть, чудесная ниша для ссанья.

– Пошел на хрен, – культурно прошу чувака лет тридцати, тихонько подкравшись из-за спины.

– Ай, блин! – он подпрыгивает.

Парикмахерская

Позвонил хозяин-барин и объявил:

– Был в администрации! Короче, мусорные баки больше не наши. Зато нам от парикмахерской – пять метров и до дороги.

– Чего?

– Я говорю, отмеришь пять метров от угла и до дороги чистишь. А я в Москву уезжаю, во вторник приеду, все отметим красной краской, чтобы знал. Пока!

И отключился. А я задумался. Где та парикмахерская? Рядом вроде нет ни хрена.

На следующий день выяснилось, что парикмахерская – это аптека. То есть нынешняя аптека – бывшая парикмахерская. Они там так часто и быстро меняют вывески, что народ не успевает запомнить и называет заведения по старинке. Нина Павловна говорит:

– Ну да. Аптека и есть.

Я у нее спрашиваю:

– А пять метров от какого угла?

– От какого хочешь.

Но выяснилось это только в девять часов, когда открылся хозяйственный Нины Павловны. А до этого я убирал все подряд.

Снег-2

Снега навалило будь здоров. Отмерил от угла аптеки пять метров и выгреб. Сто пудов не от того угла намерил, приедет во вторник барин и разочаруется. Он и так на меня косится, считает малопонятливым. Что недалеко от истины.

Жулька приходила, но ничего не сказала.

А я все греб.

А народ перепрыгивал через бруствер, мной нагребанный. Потом я его порушил – перетаскал на газон у АТС. Мне Серега по дружбе разрешает туда снег складировать. Я ему за это разрешаю из баков коробки брать под мусор.

Техника такая: берешь картонную коробку, идешь, собираешь в нее все говно подряд, а потом выкидываешь в бак. Удобнее, чем поднимать каждую бумажку или бычок отдельно.

Бухарики-2

Опять какая-то сука сгребла снег от круглосуточного лабаза мне на участок. Сначала хотел обратно весь его оттащить, поближе к входу в круглосуточный, а потом передумал. Точнее, не так: сначала-то я оттащил, а затем устыдился и перекидал к обочине, где машинами убирают.

Пошел мусорные баки проверить по старой памяти, только завернул за угол – мужичок прется.

– Здесь, что ли, выпить? – спрашивает у пространства.

– А как же, – отвечает ему пространство моим голосом, – где же, как не здесь.

– Будешь полстакана?

Я сделал вид, что не слышу, шваркаю лопатой.

– Я говорю, будешь полстакана? – настырный дядька.

– Нет. Спасибо.

– А чего?

– Я – алкоголик.

– Понял. А я вот на красное перешел. Контролирую пока.

Гад

Никак не могу поймать гада, который у круглосуточного убирает. Поймать и настучать ему по репе лопатой бабы Зины.

Объявление

Нашел листок с объявлением:

«Продается особняк в Юрмале, Лиелупе, ул. Плачу 13, 2-х этаж., 350 м², земля 1450 м², 7 комнат, 3 санузла, полная отделка, мебель, камин, сауна, джакузи, бассейн, открытая терраса и балкон, гараж на 2 а/м. Благоустроенная территория с парковкой, берег реки Лиелупе с панорамным видом, свой причал, рядом сосновый парк, 10 мин. от моря. Все городские коммуникации, газовое отопление, сигнализация».

Жалко, цена не указана.

Выходные

Позже надо вставать и выдвигаться. Приперся сегодня в шесть утра, собрал бутылки со стаканами и стою как дурак. Пошел к парикмахерской, перемерил пять метров от угла в другую сторону, сгреб снег. Огляделся. Смурные алкаши, как всегда, шмыгают в круглосуточный и обратно. О чем с ними говорить.

Чуть позже троллейбус проехал. Мужик пробежал. Собака прошкандыбала. Жизнь прошла.

Собака вернулась.

Трактор

Проспал!

Вскочил как угорелый и, не умываясь, не почистив зубы, рванул. С зубами, это я, конечно, зря, надо было почистить.

Снега навалило – мама дорогая! Начал от главного входа и сгребал до обеда. А после обеда чистил дорогу. Затем у служебного и парикмахерской, которая аптека.

Мужики приходили опохмеляться и поссать к мусорным бакам, но, заметив меня, деликатно мялись, а потом отползали к трансформаторной будке. Когда заканчивал разгрести дорогу, заехал трактор и долбанул ножом по куче снега, нагребанной мной. Соответственно пришлось кучковать по новой.

– Чмо карманное! – крикнул я трактористу.

Но он не услышал и укатил к АТС, чистить подъезды к гаражам.

Взмок, как цуцик перед расстрелом.

Вообще день не удался.

Собаки-2

Кормил собак.

Лопата-3

Снега немного. Собрал бутылки, стаканы, аккуратно пристроенные на кирпичной стене, ограждающей мусорные баки, поднял растоптанные сигаретные пачки, пошкрябал лопатой. Шесть утра, звук лопаты, стальным носом из ножовочного полотна вгрызающейся в лед, страшен, ей-богу. Не уютен, а ужасен. Еще я, когда мелкий снег сгребаю в кучу, ставлю лопату вертикально и волоку. Эффект как от железа по стеклу. Народ аж отпрыгивает.

Раньше и сам, помню, просыпался, когда дворник под окном начал шуметь. Тогда мне это казалось романтичным.

Да и сейчас иногда кажется.

То есть романтика неубиваема при известной созерцательности характера.

Барин

Барин приехал, отобрал заныканные от покупки лопаты деньги. Я ему говорю:

– Нет денег. Не осталось.

А он:

– Отдай!

Как маленький, честное слово. Дал ему семьдесят рублей, остальные пообещал вернуть с полочки, как только он мне ее выплатит.

Мечта

Интересно, скоро лето?

Любовь

Допустим, я страдаю. Кому мне об этом рассказать? Жульке? Что, я ее не знаю? Посмотрит на меня всепонимающим взглядом, скажет что-нибудь, вроде – не ссать, и убежит исследовать жизнь.

Пусть меня исследует. Я что, не жизнь?

Снег-3

Снег идет без остановки. Все чаще задумываюсь, изменится ли мое отношение к осадкам? Буду ли я проклинать снег? Вот эти красивые снежинки, являющиеся, по сути, праной вселенной. Структурированная вода, из которой состоит все (ну, не все, но многое), гармонизирующая пространство вокруг. Не, не буду. Смирюсь. Работа дворником вообще учит смирению. Лозунг такой – смирись и собирай окурки И бутылки. И стаканы.

Потому что не хрена.

Опять же, вокруг много положительных примеров. Кто у нас, братцы, лучший прозаик двадцатого века, положи руку на все? Правильно – Андрей Платонов. А кем он работал? Ага-ага.

Из гаража АТС приходили мужики с конкретным и деловым предложением.

– Будешь?

– Нет.

– ?

– ?

– Ну, как хочешь.

Потом, когда они чуть-чуть отошли от меня, один другому сказал:

– Вот и Серега так, не хочет идти в ногу с коллективом.

Можно подумать, что сама работа дворником не говорит о том же самом. О нежелании идти в ногу.

Почесал репу и решил перекидать кучу спрессованного снега, что навалил на обочине неуловимый гад, убирающий у круглосуточного.

Перекидал.

Хорошо же стало.

Снег-4

А вот и кончился снег, и я загрустил. Вышел с утра, огляделся – нечего убирать. Поднял банку пивную с бутылкой, выбросил в мусорный бак и дальше пошел. Нашел маленькую кучку снега на углу у парадного входа, страшно обрадовался. За два раза перекинул ее на газон. Так.

Мужик идет, опохмелиться хочет, а я от нечего делать за ним. Мужик к бакам, и я к бакам. Мужик остановился, и я остановился. Он на меня смотрит, а я на него.

– Чего? – спрашивает.

– Да ни хрена, – отвечаю.

– Так я это...

Махнул рукой, вытащил из-за пазухи четверок, заглотив и пивком запил. А бутылку, под моим строгим приглядом, прицелившись, бросил в бак. Но промахнулся.

Поднял я бутылку, покачал головой, а мужик, обливаясь слезами, дальше побрел странствовать. Небось, на работу опаздывает.

Потом я еще у круглосуточного повыпендривался, погреб снежок за неизвестного гада, которого, как обычно, не видно и не слышно.

Тяжело дворнику без снега.

Скучно.

Книга-3

Получил аванс и, впад в прострацию, пошел в книжный магазин, где приобрел в личное пользование, следующие книги:

- 1) Милорад Павич «Пейзаж, нарисованный чаем»;
- 2) Питер Хёг «Смилла и ее чувство снега»;
- 3) Артуро Перес-Реверте «Осада, или Шахматы со смертью»;

В общем-то, все по дворнической теме.

Почесал репу и докупил:

- 4) Габриэль Гарсия Маркес «Осень патриарха»;
- 5) Даниил Гранин «Мой лейтенант».

Аванс, собственно, кончился.

Отрывок

«Дом был сдан под ключ, но жильцов в доме не было и в помине. Пусто было на лестничных пролётах, пусто, темно и тихо, и пахло краской и нежилём, и мёртво стыли коробки лифтов, поднятые к самой крыше. Все двери всех подъездов казались плотно и надёжно запертыми, да так оно, наверное, к было на самом деле, однако в дом войти было можно. В него входили. И, наверное, выходили тоже. Во всяком случае, на каменных ступеньках тринадцатого подъезда, ведущего в южную торцовую башню, обнаруживались грязные следы. На длинной крашеной ручке парадной двери криминалист без труда обнаружил бы отпечатки пальцев. Пыль на цементном полу вестибюля кое-где свернулась во множественные шарики, как будто некто, войдя с улицы, энергично отряхнул здесь свою промокшую под дождём шляпу».

Угадай кто.

Полицейонер

– Не ракайте махами, – закричал милиционер.

И мы перестали ракать.

Короче, я тут в районную администрацию зашел, в смысле в муниципалитет. Милиционер на вахте мне говорит:

– Откуда я вас знаю?

– Это не я, – отвечаю, а сам пячусь к дверям.

– Нет, я вас точно знаю, – настаивает милиционер и делает такое движение, как будто кобуру расстегивает.

– Да что, что вы, – отнекиваюсь, а сам уже голову руками прикрываю.

– Но откуда?

И тут я решил пошутить на свою беду, говорю:

– Да ладно, начальник, я в федеральном розыске.

А милиционеры шуток не понимают. Никаких. Нет бы улыбнуться, сказать: точно, а я-то думаю, откуда я вас знаю, и пожать руку. Нет, он разволновался пуще прежнего.

Когда разобрались, выяснилось, что он за моей дочерью ухаживал несколько лет назад. Но я его не помню.

Не знаю, как это меня характеризует.

Мама

Пришла мама, спросила:

- Как у тебя взаимоотношения с руководством?
- (Это она так хозяйина-барина называет.)
- Я его почти не вижу.
- Значит, хорошие.

Песня

Александр Вертинский. «Кокаинетка»

Что вы плачете здесь, одинокая глупая деточка,
Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы?
Вашу тонкую шейку едва прикрывает горжеточка,
Облысевшая, мокрая вся и смешная, как вы.
Вас уже отравила осенняя слякоть бульварная
И я знаю, что крикнув, вы можете спрыгнуть с ума.
И когда вы умрете на этой скамейке, кошмарная,
Ваш сиреневый трупик окутает саваном тьма...
Так не плачьте ж, не стоит, моя одинокая деточка,
Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы.
Лучше шейку свою затяните потуже горжеточкой
И ступайте туда, где никто вас не спросит, кто вы.

Помню, слушал и плакал. Мне тогда лет двенадцать было.

Мечта-2

А что если...

Коллеги-2

Подвалил Серега, дворник АТС, жаловаться:

– Я не знаю!

Я, в принципе, тоже не в курсах.

– Гребни, говорят, и сзади!

– Сзади оно да, – я скребу лопатой по льду.

– Но за те же деньги!

– Серега, – говорю, – что ты орешь в шесть утра?

– А что в шесть? Валерка, что до тебя работал, к восьми приходил.

Когда уже всё укатают.

Собрал я бутылки со стаканами и подумал об однообразии моих функций и этих записок. Каждый божий день – стаканы, банки, бутылки, мятые сигаретные пачки, говно. Вообще говно.

Серега напоследок говорит:

– Я картонку возьму? Мусор собрать.

А собаки сидят вокруг крышки люка (столовой) и всем своим видом выказывают недовольство тем, что я опаздываю с ихним завтраком.

Уроды

Не зря вчера собачки негодовали. Сегодня смотрю, мужик какой-то у люка-столовой крутится, сначала подумал, что он тоже еду принес, а потом пригляделся – срет мужик. Хотел было лопатой ему промеж рогов ветвистых, а злости нет. Распаляю себя, а в душе уют и умиротворение. И так его и этак, и нехорошим человеком, и скотиной бесстыжей, а он только сидит глазами хлопает. В результате высказал все, что думаю по этому поводу, а в ответ услышал:

– Может, выпить хочешь? Я сейчас куплю.

– Убирай, – говорю, – за собой.

Сгрел мужик говно фанеркой и побрел в указанном направлении.

Все оборачивался.

А я подумал, что за умиротворение такое во мне поселилось, не сродни ли оно душевной лениности?

Но тут начался снегопад и развлек меня. Точнее, я плюнул на фило-софствования и принялся махать лопатой.

Зы. Надо будет собачью столовую в другое место перенести.

Баба Зина

Простите, что помешал вам деньги прятать.

Дядя Митя

Дает советы и учит жизни.

– Возьми, – говорит, – два дома по тысячи с подъезда, и будет у тебя восемь тысяч.

– А если три? – спрашиваю.

– А если три, то пупок развяжется. А так, конечно, чего у магазина не грести.

И уходит, негодуя.

Вот он народный гнев. Потому что базис и надстройка есть везде, куда ни глянь. Буквально, даже дворники делятся на пролетариев умственного труда, стахановцев и попутчиков, что ошиваются у магазинов, ищут где послаще.

И лопаты у них кривые. И мозги.

То ли дело у дома грести. Тут тебе и простор, и инициатива. По крайней мере, у моего дома, у того, что баба Зина обслуживала, для инициативы места полно, грести не хочу. Ходим по шею в сугробах и не вякаем.

Зато все местные дворники в оранжевых жилетах.

Да, я мечтаю об оранжевом жилете. А кто не мечтает?

Суровые профи

Переход в профессиональную лигу.

Только начал убираться, бежит Серега от АТС.

– Ухожу!

– Понял, – говорю, – сочувствую.

– Так что забирай участок!

Я немного растерялся.

– То есть?

– Хочешь, у входа – плитку драить, а хочешь – весь забирай, и зады тоже. Деньги несусветные! Короче, мне некогда.

И убежал.

Через десять минут вернулся.

– Да, и там не здесь – за свой счет лопату покупать. Там и рукавицы, и комбинезон, и скребок и метла пластмассовая летом!

– И оранжевый жилет? – еле сдерживая восторг, спросил я, затаив дыхание.

– Чего?

– Жилет, – я сглатывал крупную слюну.

– Про жилет не знаю, сам спросишь.

И опять убежал.

Такие дела.

Все-таки я, убирающийся у магазина, по настоящим меркам – любитель. По гамбургскому счету. А в АТС, с комбинезоном, пластмассовой метлой и записью в трудовой книжке – истинный профессионал. Круче только идиоты, что у жилых домов скребут. Но это такая крутизна, неподвластная уму, нам ее и даром не надо.

Да. Расту.

Почесал репу под белой шапкой с красным помпоном и возгордился. Вот что значит связи, вот что значит корпоративный дух и профсоюзная солидарность. Не абы как. В общем, надо дорогу дочищать и идти в АТС оформляться.

Облом

Рано радовался.

Сегодня позвонили из АТС и извинились. Опоздал я буквально на полдня. Приняли на работу двух старичков семидесятилетних, по договору о ненападении.

– Но как только, так сразу, – пообещала Ира-менеджер.

– Само собой, – обрадовался я.

– Долго-то они не того, – высказала предположение Ира.

– Да куда им, – согласился я.

– Держись!

– А то.

Тут надо как рассуждать? Так, что если мне не повезло, то кому-то повезло. Хозяину-барину моему, например, что горько бы рыдал, вздумай я уйти. Ну, и двум старичкам, само собой. Так что где наша не пропадала.

А жилет жалко.

Песня-2

В голове крутится под швырк лопаты:

Мадам, уже падают листья,
И осень в смертельном бреду!
Уже виноградные кисти
Желтеют в забытом саду!

Преследует меня Александр Николаевич. Но при чем здесь осенний бред с виноградом, когда на улице декабрь, пустые пивные бутылки и минус семнадцать?

А при том, что мечту не победить!

Тем паче очень дворническая песня, созерцательная и обнадеживающая.

Подберу бутылки с измятыми сигаретными пачками и пойду домой. Дома-то у меня горячая вода и банка какао.

Это ли не счастье.

Мечта-3

Есть у меня одна знакомая маленькая девочка, которую привязывают веревкой к крыльцу. Пока мама в городе, а бабушка ковыряется на огороде, девочка ползает, сколько веревка позволяет, вокруг крыльца и разбирает все, что попадется под руку. Из чистой любознательности. Все, что не успели спрятать. Эти строгие меры приняты после того, как она с телеги упала, сломав обе ноги, а до этого бодалась с козой, и коза ей выбила два передних зуба.

Я это к чему. К тому, что половину населения нашего района неплохо бы привязать. Чтобы не мусорили и не разбирали. И не бодались с козами.

А то чего ж?

Снег-5

Снега навалило, я вас умоляю.

Барин-2

Подтаяло, когда берешь мокрый снег на лопату, та аж трещит, бедная. Выгибается и того гляди лопнет. Хозяин-барин волнуется:

– Береги инструмент.

– А как же, – отвечаю, – берегу честь смолоду.

– Чего? – он не догоняет.

– Когда получка?

От этого вопроса барин всегда теряется и спешит скрыться с глаз долой. Вот и сейчас прыгнул в «хонду» и по газам.

– Стой! – кричу.

Но он делает вид, что не слышит, прикладывает к уху мобильник и типа беседует по государственным делам, минимум с Вованом.

Снег-5 и уроды-2

Думал, помру. Кидал снег семь часов без остановки. В шесть утра начал, в час дня остановился. Огляделся – можно начинать по новой. Все то время, что я сгребал и оттаскивал, он с наслаждением падал. Снег в смысле.

Поплелся к мусорным бакам, хоть немного отгрести свежего, смотрю, мужик в дубленке и идиотской шапке с загнутыми ушами сыт на бак, говорю:

– Я тебе сейчас на голову наассу, паскуда.

– А че?

В одной руке открытая бутылка пива, в другой член.

Дальше непечатное, неохота собственный мат пересказывать. Кончилось все тем, что мужик взял лопату и принялся отгребать и уносить обоссанный снег.

А я ему мораль читал типа:

– Куда кидаешь? Подальше оттаскивай, бездельник. Развелось, понимаешь.

Когда он, увлекшись, закончил расчищать площадку перед баками, то сказал:

– Я тут, пока таскал, подумал и решил: был неправ, прости.

Я растрогался и говорю:

– Хрен с тобой, скотина, бывает.

А мужичок в ответ:

– Меня никто не уважает.

Нет, а чего он хотел?

Смилла

Скоро я, как та Смилла из романа Хёга, начну различать семьдесят два типа снега. Пока различаю четыре, три из них ненавижу. Но борюсь с этим чувством.

И конечно, все закатывают глаза и вздыхают, как только узнают, что я дворник.

– Боже, какая романтика, – сказала знакомая красавица-скрипачка.

– Не вопрос, – ответил я, – махнемся не глядя: ты мне – скрипку, я тебе – лопату.

Отказалась, но долго смеялась.

– Как я тебе завидую, – сказал венчурный инвестор, с которым мы учились в одном классе.

– Пошел в жопу, – ответил я.

Станет портфельным, пусть приходит, а пока нечего.

(Залез в инет, глянул, что такое портфельный инвестор.)

Лирическое описание

Снег пушистый, легкий, состоящий из отдельных, отчетливо видимых, снежинок. Больше всего напоминает покрывало или платок. Хочется уткнуться в него лицом, упасть или, хотя бы помазать в руке.

Говно собачье свежее, дымящееся, интенсивного цвета, наверное, пахучее. Больше всего напоминает говно. Ничего не хочется с ним делать. Ну, может, поразглядывать несколько минут. А поразглядывав, решить, что больше всего оно похоже на шоколадку.

Бутылки пивные пустые, припорошенные снегом, пахнут пивом. Красивые, многие – истинное произведение искусств. Зеленые бутылки на белом снегу, по мнению Растрелли, лучшее из возможных сочетаний цветов. Хочется отнести их в мусорный бак, как изумруды в банк.

Воздух утренний, густой от понижения температуры или прозрачный от мороза. Не знаю почему, но бывает так: выйдешь утром, на улице – минус два, воздух как молоко. Выйдешь на следующий день, на улице – минус одиннадцать, воздух прозрачен как лобовое стекло «мер-

седеса». А при минус двадцать четыре воздух и есть стекло, тронь – зазвенит.

Вдохнешь поглубже выхлопные газы ранних автомобилей и сивушный перегар, висящий над круглосуточным лабазом, почувствуешь себя бодрым и молодым.

Как-то так.

Метель

Мокрая метель. Убираешь снег, через три минуты – снова все завалено. Как не чистил. Руки опускаются, ей-богу. Пришел Серега, закурил и сказал:

– Нехорошо с АТС получилось.

– Да ладно.

– Нет, честное слово, мне даже неудобно перед тобой.

– Все нормально.

– Чего тут нормального? Кто ж знал, что эта дура объявление в газету дала. Приперлись старички, я-то думал, мы с тобой возьмем на двоих.

– Может, еще уйдут.

– Эти не уйдут, – здесь Сереге в лицо залепило снегом, и он принялся отплевываться.

– Крепкие?

– Один маленький такой, а другой – большой. В паре работают, гады.

– Тогда да. Серьезные ребята.

Серега ушел, а я продолжил свои упражнения на свежем воздухе, вытряхнув из капюшона куртки снег. Швырк-швырк лопатой, потом подцепил грязную кашу, понес к обочине. Пока носил, новый снежок напал. Тут же вспомнил, что это пытка такая знаменитая, из пустого в порожнее. Когда одна группа людей, допустим, наливает бочку водой, а другая тут же вычерпывает.

Тьфу.

Барин-3

Хозяин-барин офонарел вконец. Звонит и предлагает выйти покидать снег вечером, а то он, видите ли, идет и ложится, гад такой, прямо на землю. Причем около входа в магазин.

– Ты не заболел случайно? – интересуется.

– С какого?

– Ну так снег везде.

– Ну так я в шесть утра его убираю, а сейчас три часа дня. И с шести до трех его много выпало, если он без остановки хреначит.

Что-то я заводиться начал.

– Так как?

– Что?

– Выйдешь?

– А ты не охренел, чтобы я по два раза в день выходил за такие деньги?

– За какие?

Побеседовали, короче. Договорились встретиться на следующий день, обсудить ситуацию. Если он, Игорь Иванович, упрется рогами

в землю, то я его на хрен пошлю и не дрогну. Все же не те лавашки, чтобы прогибаться.

Тогда конец запискам.

Барин-4

Не получилось разговора, не пришел барин. И не перезвонил. Пока убираю снег по утрам, как всегда.

Но энтузиазма все меньше.

А снег идет без остановки, день за днем. Я уверен, по прошествии энного количества времени выяснится, что это была самая урожайная по снегопаду зима, самая сенокосная. Опять какой-нибудь рекорд побившая.

Гоняю алкоголиков.

Но что-то их мало стало.

Бухарики-3

Не гоняю алкоголиков.

Пусть пьют и ссут.

Пакт

Перетерли с бариним. Душевно и с расстановкой точек. Пришли к соглашению, то есть барин был послан. Он пошваркал ногой по неубранному снегу и сказал:

– Ну, так что ж?

Я ответил:

– Не иначе.

Барин:

– Я поехал.

Я:

– Полюбасу.

Барин смотрится плохо, а ведь он не намного старше меня.

Вон Сереге, дворнику с АТС, пятьдесят пять, а выглядит как огурчик. Хорошо сохраняются только профессиональные дворники и во время завязавшие торчки.

Зы.

Купленную на деньги барина лопату пришлось вернуть, а бабы Зинину я себе оставил, на память.

Пакт-2

Через четыре дня позвонил барин и сообщил, что нанял трактор. То есть не так, он позвонил и сказал:

– Давай трактор найдем?

– Угу, – ответил я.

– Поговори с ним, скажи, что будем платить тысячу в месяц, пусть чистит. А ты подгребешь по краям.

– Нет.

– Не в один день. Постепенно. Сегодня – метр. Завтра – метр.

– Послезавтра полтора?

– Ну да.

Мне неохота было разговаривать, и я ответил, мол, перетру с трактористом, тем, который по утрам чистит подъезд к огромному торговому центру около моего дома.

– И сруби лед, – добавил барин, – и перетащи бруствер на дорогу.

Бруствер – это гора снега, что общими усилиями за те дни, пока я не убирался, организовали окрестные дворники на моем участке. Выше меня горочка, я мимо нее пару раз проходил. Она шибко раздражает барина, и он мечтает отодвинуть ее к обочине дороги, общей, той, что убирает город.

Лопата-4

Я говорю опереточному мужику, с бородой до пупа, в тулупе и ушанке:

– А с ножовочным полотном есть?

– Чего?

– Лопата с ножовочным полотном по краю?

– С пилой, что ли?

– С ней.

– Трудно делать.

Он помолчал, потом поинтересовался:

– А зачем тебе?

– Я – дворник.

– Я сам дворник, – мужик поправляет шапку, – двадцать лет отработал.

– И как?

– Плохая работа. Суставы болят. Уколы делаю по двести пятьдесят рублей за ампулу. Не помогают. Надо холодец из куриных ножек варить. Простое и надежное средство. Поешь пару лет – отпустит. А так что за жизнь: руку не поднять, жидкость ушла. Из суставов-то.

– Понимаю, – ответил я и пошел на фиг.

Но вместо на фиг встретил бабу Зину у родного подъезда.

– Бедный, – сказала баба Зина.

– Не понял.

– Что я, не вижу – еле ходишь.

– Вы чего это сегодня все взялись?

– Ты когда третьего дня дорогу-то чистил, я уж помочь хотела, да постеснялась. Смотрю, гребет и гребет, гребет и гребет.

– Спасибо, баба Зина, век помнить буду.

– Нельзя так работать. По честному-то. Что ты как дурачок.

Коллеги-3

Пришел Серега, спросил:

– Ты уже понял, что этот участок говно?

Гопники

Сначала мимо шли гопники местные, узнали меня, обрадовались и долго восхищались трудовым подвигом. Жали руку, а сами смущенно объясняли, что вышли опохмелиться, а так ни-ни.

– Ты же понимаешь? – спрашивали.

– Само собой, – соглашался я.

Потом пришел Серега прощаться, уходит он из АТС окончательно и бесповоротно.

– Последняя смена.

– Прощай, Серега, – я вытер скупую слезу.

– Ага. А насчет АТС не переживай, это хорошо, что вместо тебя старичков взяли. Хреново там.

– Что так?

– Все на виду, чуть не убрал – и готово дело, скандал.

– Поэтому ты меня туда и сватал?

– Нет. Я поэтому оттуда ухожу, а тебя звал по дружбе, – Серега смотрит на меня негодуя. – Как ты мог подумать?

Действительно, как? Не иначе гнилая сущность вылезает, глядит отовсюду. Помню, мне в школе завуч по воспитательной части так и кричала, едва увидев на другом конце коридора: «А! Макоша! Гнилая интеллигенция!»

В общем, взял я лопату покрепче и принялся дальше снег с дороги сгребать.

Трактор-2

Трактористы как вымерли. То ездят туда-сюда все утро, трещат моторами, то ни одного, когда надо. Расчистил подъезды, а потом пошел на дорогу, грести по методу хозяина-барина. То есть сегодня – метр, завтра – два. Но замечтался и захреначил всю. Срезал подмерзший укатанный снег, обходя припаркованные машины, выравнивал площадь. Получилось красиво.

Потом покурил, огляделся: вон он, бруствер. Начал с верхушки, тут, как специально, барин подъехал. Увидел меня, умилился и выдал аванс. Полез в карман, вытащил портмоне, оттуда купюры и вручил мне, с надрывом:

– На.

– Спасибо, – говорю.

– Тебе спасибо, – а сам руками делает такие неверные движения, как будто обнять меня хочет.

– Трактор видел? – интересуется.

– Работаю над этим.

– Не забывай.

Я как гаркну:

– Рад стараться!

Барин подскочил и убежал, а я продолжил таскать мокрый снег.

Вокруг бегали алкаши и разъезжались припаркованные машины. Короче, все мешали работать.

Машины

Ничего хорошего, говоря откровенно. Навтыкают, где только возможно, а ты кружи вокруг с лопатой. Хотел разозлиться, не получилось. Чего, думаю, им делать-то, пупсам этим, некуда тачки ставить. Не предусматривала инфраструктура города такое количество автомобилей. (Про инфраструктуру – это я для красоты.)

Мужик пришел, вытащил картонку из мусорки, постелил ее тут же, уселся. Сидит, привалившись к баку, культурно опохмеляется из четвертинки, хлебом закусывает. Я рядом снег скребу, специально на нервы ему действую. А он – ничего, ноль эмоций. Допил, бутылку выкинул и дальше побрел, согбенный.

Следующий идет с пивом. Я милостей от природы дожидаться не стал, говорю:

– Бросишь бутылку – убью.

Вздрогнул он, очки запотевшие поправил и спрашивает:

– За что?

Тут я засмеялся, а он бутылку в пакет и бежать. Видать, за дворника-маньяка меня принял. Что, в общем-то, правильно.

Пошел доскребать дорогу, а потом кормить собак.

Собаки-3

В банде столующихся у меня собак появилась новая псина со смешными ушами.

Приходил Валера, что до меня здесь греб, а теперь чистит у двух магазинов, открывшихся в доме напротив. В квартирах на первом этаже.

Спросил:

– Тебе деньги за лопату вернули?

– Вернули.

– Только не говори, что я спрашивал.

– Кому?

– Ему.

И ушел.

Вот ведь.

Профессиональный рост

У меня теперь новая тонкая специализация – сшибатель сосулек. Хозяин-барин назначил.

Парикмахерская-2

Перемерили с барином пять метров от угла парикмахерской. Неправильно-таки я намерил, забалал лишнего – шесть метров и не в ту сторону.

– Вот так надо, – сказал барин.

– Понял, – ответил я, поедая начальство взглядом.

– И не забудь сосульки, – инструктировал барин.

– А как же, – соглашался я.

– То-то же, – торжествовал барин.

Взял я лопату, посшибал сосульки, все им выговорил:

– Висите, – кричу, – проклятые? Сейчас я вас!

Очень красивые сосульки. Совершенные. Как по спецзаказу литые из горьких слез снежной королевы. Жаль было такую красоту сбивать. Поднял парочку с земли, полюбовался.

Лизать не стал.

Трактор-3

Договорился с трактористом. Я ему:

– Отсюда и дотуда.

А он мне:

– Будет сделано.

И как даст!

Пару раз прокатился в обоих направлениях – мама дорогая! Чисто, ровно, и только черные асфальтовые проплешины торчат, нет, не торчат, а всплывают островками.

– Нормально? – спрашивает.

Я от восхищения только головой кивать могу. Ну, помахал он мне рукой и укатил. А я то, что он к обочине сгреб, перекидал подальше и пошел бруствер перетаскивать. Вырубал ровные и красивые кубики смерзшего снега и переносил на газон АТС. А мелочь всякую, кашу, сгребал к обочине, для услады взора барина. Формировал там красивый бордюр, обрубал лопатой под прямым углом, как нас в армии учили.

Другана старинного видел, он мимо на работу бежал, высмотрел меня с другой стороны магазина и закричал, пугая редких прохожих:

– Мне уже сказали!

Надо думать, гопники донесли, что застали меня у парадного входа в круглосуточный с лопатой в руках.

Друган дальше поскакал. У него работа ответственная, нельзя опаздывать, он старший менеджер в котельной.

Напротив, у магазинов, Валера сначала снег сгреб, а потом подмел пластмассовой метелкой. Вот это подход.

Блондинка

Паркует паркетник на углу, там, где кончается мой участок и начинается общая дорога. Я ее каждый день вижу, блондинку, а не дорогу, хотя и дорогу тоже.

Такая фря в шубке леопардовой и с волосами до лопаток. Я по ней время проверяю: как только на горизонте появилась, значит, полвосьмого. Сверяю с часами на мобильнике, зазор – пять минут. Так что не надо, что все они дуры, эта, например, время различает.

Банкет

На деньги выданные хозяином-барином, купил:

1) Лайза Роугек «Сердце, в котором живет страх». Это такая биография Стивена Кинга;

2) Д. Володихин Г. Прашкевич «Братья Стругацкие», в серии ЖЗЛ;

3) Полкилопельменей «Царские»;

4) Пачку сигарет.

Выходные-2

Нет снега.

Собрал бутылки, пустые пачки, стаканы, шлифанул плитку у входа и закурил. Стою, дым пускаю, вокруг – никого. Хотя есть один таин-

ственный персонаж, что в любой день, в любой мороз, в одно и то же время проходит по тротуару на другой стороне дороги. Сейчас должен появиться. Ага, идет. Значит, все нормально.

Что его толкает на этот ежедневный поход? Не хочется думать, что банальная работа. Хочется, чтобы что-нибудь таинственное и запретное. Например, он выходит на связь с центром. Или, наоборот, уходит от порочащей его связи.

Молодой, в общем-то, человек, на вид лет двадцати пяти, во всем облике есть что-то дебильное, и серая куртка сверху. Торопится, пригнув голову, по сторонам не смотрит.

Пойду собак кормить, и домой.

Буду пить какао.

Жулька

Ракали с бабой Зиной махами. Она мне, а я ей. Это у нас такое утреннее приветствие выработалось. Я с работы иду, с лопатой на плече, а она только заступает у подъездных мусорных баков. Вот и машем друг другу. А Жулька подбегает лично со мной поздороваться. Прискачет, нос в ладонь сунет и обратно убежит.

– Как дела? – кричу я ей.

– Нормуль, – отвечает она мне.

И тут же к корефану своему, Джеку с красной клипсой в ухе, мчит-ся. Джек – черный как уголь, с дружелюбным взглядом, курсирует строго в пределах нашего дома. На меня смотрит с интересом. Вообще с собаками поговорить полезно, можно узнать много нового. И в отличие от людей дворовые собаки в большинстве своем нормальные ребята.

По крайней мере, пустые бутылки из-под пива не бросают.

Груз 200

Снег шел весь день и всю ночь. Вышел я утром, увидел объем работ и пригорюнился. Но тут прилетел дракон. Хренак в одну сторону, хренак в другую, дорога – на загляденье. Помахал мне тракторист Петрович из кабины рукой и дальше помчался город чистить. Может, он и не Петрович, не знаю, не успел познакомиться.

Раз такое дело, начал я у парикмахерской разгребать. Кинул пару лопат, мужик подходит в пальтишке и кепочке, робкий такой, спрашивает:

– Можно с вами посоветоваться?

– Конечно, – отвечаю, – затем здесь и поставлен.

– Я вот груз 200 привез, а дома никого.

– Так, – говорю.

– В военкомате-то я уже был, там сказали: или домой вези, или в морг. И телефонов нет.

– Понял.

– А дома никого. Я уже и джин-тоник купил и сигарет. Жду.

– Значит, так, – я лопату в снег воткнул и стал объяснять на пальцах: – У соседей был?

– Был.

– Что говорят?

– Ничего.
– Ясно. Ждешь еще час, если никто не появляется, личные вещи покойника оставляешь у соседей, а сам едешь в морг, там сдаешь груз и получаешь справку для командира, понял?
– Правда?
– Абсолютно.
– Я, пожалуй, два часа подожду, пусть срочники поспят, а то всю ночь ехали.
– Можно и так, – соглашаюсь и беру лопату.
– Я не хотел ехать, а начальство говорит: или вези, или пошел вон. Я и повез.
– Очень хорошо понимаю, – я вгоняю лопату в смерзшийся снег.
– Спасибо.
– Не за что.
Ушел мужичок, а я продолжил рубить бруствер. Хреначил его на ровные квадраты и оттаскивал. Хреначил и оттаскивал. Потом остановился и закурил.
Перчатки рабочие у меня прохудились, беда.

Оттепель

Понедельник. На улице плюс два. Хожу по щиколотки в воде, рабочие ботинки, кирзовые из родного депо, хлюпают, как наказанный ребенок. Сгреб воду от обоих входов и от парикмахерской. Дорогу завтра дракон почистит от каши. Собрал изумительное количество пивных банок и бутылок, огляделся. Наверное, сегодня самая короткая смена. В шесть вышел, в семь – курю. Мимо народ бегаёт: ранний, пуганный, недовольный.

Покормлю собак, и баста.

В хоккее играют...

Надел новые перчаточки. Обмотал черенок лопаты черной матерчатой изолентой. Не весь, а самый конец, как хоккеисты клюшку – чтобы из рук не выскальзывала. Ну, держись, осадки всех видов!

Вчера встретил одну крайне симпатичную особу, и она, повздыхав, мне сказала:

– Жаль, я раньше не знала, что ты дворник. Я бы тебе отцовский инструмент отдала. Топор на палке, лопату с пилой, там так снизу приделано, пику, бумажки накалывать, и вот такую штуку здоровую, которой снег сгребают.

Она показал руками и попой, как, по ее мнению, сгребают снег здоровой штукой. Получилось красиво.

– Ну, – ответил я.

– Пришлось выкинуть.

Мечта-4

Я понимаю, что здесь не Швейцария, не какой-нибудь кантон Ури. Но все-таки мусорить надо меньше.

Оттепель-2

Все тает, и я в основном сгребаю воду с окурками лопатой. Потом беру картонную коробку из мусорного бака и хожу, собираю пустые пивные банки и бутылки. Сегодня почему-то обильно представлены грязные целлофановые пакеты и обертки от шоколадок. Хватаю их новыми перчатками, складываю в короб.

Вокруг мусорных баков – караул. С тех пор как я перестал наводить порядок, все заросло несусветной грязью. Принципиально прохожу мимо, хотя сердце обливается кровью и я чувствую нестерпимый зуд все вычистить. Последний раз барин твердо сказал:

- Баки не трогай.
- Некрасиво же, – возразил я.
- Некрасиво, но не трогай, – барин был суров.
- А как же...
- Мы за них больше не отвечаем.

Оно, конечно, да – не отвечаем. Но бутылку, валявшуюся на самой границе моего и соседнего участка, я все-таки поднял и отнес в мусорку. Не то чтобы на границе, так, в пределах видимости бутылка лежала, но неизвестный гад, судя по всему, опять пропал и не убирается около круглосуточного лабазы. Вот я и поднял. И пивную банку. И пару пустых пачек.

В общем, почистил я там слегка площадь.

Зима – весна

Все повылазило, четвертый день плюсовой температуры в декабре месяце, и обнажилось скрытое.

Собаки и те обалдели.

Снег растаял, и на всей моей территории представлен полный спектр весенних удовольствий дворника. Хоть бери метлу и мети. Но я хожу с лопатой, потому что, по старинному русскому поверью, говно убирать удобней лопатой, а не руками. Сколько съедается, выпивается, а потом бросается народом на землю – уму непостижимо. Такое ощущение, что обедало войско Чингисхана в полном составе, причем кони мусорили меньше людей.

Собирал всякую бяку полтора часа, а потом встал на своем любимом месте – на углу парикмахерской у железного поручня, отделяющего тротуар от дороги, закурил и начал бдить. За время двадцатиминутного бдения ни один человек не бросил на асфальт ничего. Ни тебе бычка, ни крышки от пивной бутылки, ни фантика от шоколадки. Даже целлофановые пакеты не бросали!

Странно.

Очень странно.

Мечта-5

Выйду на пенсию, уеду в Грецию, поселюсь на острове Хриси и буду оливы лопать круглосуточно. А косточки сплевывать в бочку из-под дизельного топлива.

Боровички

Видел старичков коллег-конкурентов. И вправду, один низенький в искусственной лохматой шубе, а другой высокий в точно такой же кислотной поддежке. Ходили около трансформаторной будки, разглядывали поверхность земли. Нашли одну пустую бутылку на двоих и торжественно сопроводили ее в мусорный бак.

Молча.

Да. Серьезные ребята, что и говорить.

А я тем временем вытащил из мусорки пенопластовый короб белый и принялся собирать в него всякую дрянь, предварительно скучкованную мной у бордюров. Хотя со среды на четверг мало пьют. В основном курят, так что вся моя площадь была в бычках разной степени свежести и достоинства. И, конечно, в целлофановых пакетах, что до сих пор приводит меня в недоумение и некоторую оторопь – чего они в них покупают? На фоне черного асфальта оттаявшего, запотевшие белесым молочком пакеты в шестичасовом предрассветном воздухе смотрятся как космические поганки. Кажется, тронешь такую, а оттуда потечет тонкой ниточкой млечный сок раннего утра на Венере.

Блондинка пришла, пора домой.

Трудотерапия

Слегка подморозило, и даже выпал снежок.

Поскрябал лопатой у обоих входов и парикмахерской. Швыркаешь снег – хорошо на душе, складно получается, размеренно. А в размеренном труде есть что-то здоровое, успокаивающие нервную систему, не зря душевнобольным рекомендуют. Хренак лопату, хренак вторую, вокруг воздух свежий и алкаши. Сгребешь снег в кучу, потом перекидаешь его на газон, закуришь и задумаешься. Народ только опохмелился, а у тебя уже рабочий день кончился и начался просто день. И так всегда, всю неделю, весь месяц, иногда всю жизнь.

Осталось чуть-чуть, и можно домой отправляться.

Еще вокруг не к месту поставленного народного автомобиля «фольксваген» убрать и позвонить одной принцессе, что как раз едет на работу, смотрит в окно и думает о том, как я скрябаю лопатой по снегу.

Позвонить и сказать:

– Здравствуй.

И услышать в ответ:

– Ой! Это ты?

Стабильность – признак мастерства

Каждый день одно и то же. И это не так плохо, как может показаться с первого взгляда. Пришел, собрал пустые бутылки, банки, сигаретные пачки, целлофановые пакеты, окурки. Сгреб снег, перекидал его куда подальше, помахал рукой повелителю дракона и возгордился хорошо сделанной работой.

Хотя докопаться можно и до столба, как известно. А в этом умении комиссии, проверяющей чистоту мест, нет равных. Бредут члены – инспектора и инспекторши – и, ачно сверкая глазами, выискивают не-

доработки с упущениями. А что это у вас, вопрошают, уж не бумажка ли говенная выглядывает из-под левого угла правого мусорного бака? Она, родная, она, отвечает им хозяин-барин, трясась мелкой дрожью крупного нарушителя, и тут же обещает: «Ужо я задам дворнику, ужо я ему, подлецу!»

Ну, и тут, понятно, появляюсь я, крайний, и огребаю по полной.

С лопатой на правом плече

Шесть тридцать утра.

Я гребу, люди идут, переступая через нагребанное, алкаши похмеляются, все соразмерно и благостно. Картину нарушают двое: спившаяся маруха неустановленного возраста и ее дружок – одяжка лет пятидесяти с гаком. Гак приличный, хотя понять, сколько лет алкашу, по внешности невозможно, зазор – лет пятнадцать. В руках у парочки бутылка бормотухи и пластиковый стакан, они пристраиваются на углу, в двух шагах от меня. Я подхожу к ним:

– Охренели?

Смотрят.

– Пошли вон.

– Обойдемся без оскорблений, – отвечает маруха, отсвечивая трехдневным, уже начавшим багроветь, синяком под левым глазом, – я сама дворником работала.

– И я, – влезает мужик.

– Ах, вы... – говорю и начинаю ржать. Не могу остановиться. Меня это ее «обойдемся без оскорблений» снесло.

– Мы аккуратно, – успокаивают, – все соберем в сумку.

– Смотрите, – пугаю их на всякий случай и иду грести дальше.

Когда закончу, часа через полтора, закину лопату на плечо и отправлюсь домой, сидеть в кресле, листать книгу и пить какао. Но сначала проверю, забрали они бутылку и стакан или бросили на землю, супчики.

Подзорная труба

Видел Жульку, пристально разглядывающую горизонт.

Тени

Воскресенье, на улице в семь утра практически никого, я скребу себе и скребу. Около парадного входа, потом пожарную дверь, растущую из земли, следом второй вход – служебный, затем у парикмахерской. Чуть попозже дракон захреначит дорогу, и будет хорошо. Мимо идут за вином в круглосуточный лабаз мои друзья-алкоголики, что ежедневно собираются на пьяном углу, часов в пять-шесть утра, генерируют идеи. Члены общества мертвых поэтов. Синие и зеленые, радужные и восковые. Так-то в лабазе вино до восьми утра не продают, но члены – все местные. Половина в круглосуточном работала, кто хлеб возил в другой жизни, кто грузчиком корячился, а другая половина спала с продавщицами. Все жмут мне руку, Малёк останавливается побеседовать:

– Я теперь туда ни ногой.
– Понимаю.
– Я там скандал учинил, – он закуривает.
Я тоже достаю сигарету, и мы встаем у железного парапета.
– Пришел в пять утра, даю деньги, говорю, девчонки, мне четверку.
А смена какая-то дурная, честное слово, разорались: да мы не такие, да мы указы соблюдаем, да тут везде видеокамеры. Я говорю, что я, не понимаю, что ли, я спиной к камере. А они: пошел вон, алкоголик, да как не стыдно, тут у нас один уже помер недавно у прилавка, не успел опохмелиться, скотина.
– Чего, – я аж рот открыл, – помер?
– Да. Короче, я деньги на стойку кладу, а сам – через прилавок, – Мальк затягивается.
– И? – я затаил дыхание.
– Хватаю чекушку и обратно тем же макаром.
– А они? – я смотрю на Малька с восхищением.
– Чего они, в ор, конечно, ментами давай грозить, обзывать. Я из магазина-то вышел, вот тут вот встал, где мы сейчас с тобой, и из горла засадил.
Он немного помолчал.
– Иначе бы тоже помер.

Банкет-2

Угодил на распродажу книг, схватил, разбрызгивая слюну:
1) Джек Керуак «Бродяги дхармы» (с некоторым сомнением, надо сказать, недолюбиваю я Керуака);
2) Орхан Памук «Имя мне – Красный» (уж больно цена симпатичная);
3) Джон Ирвинг «Последняя ночь на извилистой реке» (фактически без сомнений).
Слюни слюнями, но одергивал себя, сдерживал.

Следы

На свежем снегу только мои следы и собачьи.
Я иду домой и все вспоминаю недавний разговор с Мальком. Как он тогда через прилавок махнул за четверкой. Не дали нам в тот раз договорить, вышли коллеги из лабаза и утащили Малька опохмеляться. Андрюха Псоев-Захерев только успел крикнуть:
– Стихи-то пишешь?
– А як же ж, – ответил я, – на снегу, как полагается.
Теперь переворачиваю лопату и вывожу черенком:

Салфетки белей алебастр балюстрады.
Похоже, огромный, как тень, брадобрей
Макает в пруды дерева и ограды
И звякает бритвой об рант галерей.

Если честно, то я где-то на «балюстраде» сдался, перестал писать, уж больно согласных до фига.
Короче, многа букаф.

Прерогатива

Поймал гада, что убирается у круглосуточного. То есть он сам подошел, выяснить, откуда и докуда я убираюсь, а откуда и докуда он.

– Мне начальник сказал: до этого столба, – сообщает и тычет пальцем, – а раньше я везде чистил.

– А мне до этого, – говорю я и тоже делаю рукой некое движение.

– А это чье? – показывает на участок метра в три шириной, между нашими двумя.

– Ничье. Ты что, не в России живешь?

Стоит глазами хлопает. Маленький, черненький, зовут – Боря, полный рот золотых зубов, национальность – таинственная. Айсор, наверное.

Перетерли мы с ним и разошлись каждый на своем участке лопатой шваркать.

– Я два раза за тебя чистил, – радуется меня на прощание.

– Как же, как же, – радуюсь я, – видел.

Снега навалило за всю мазуту, когда отгреб парадный вход, было девять утра, а когда закончил у парикмахерской – одиннадцать. Выровнял сугробы на границе, отошел к парапету и закурил. Подумал, самый приятный и уютный звук, что я слышал, – звук закипающего чайника на плитке в теплой подсобке. Когда сидишь в шерстяных носках и, допустим, валенках, на вешалке напротив висит телогрейка, а чайник шмыркает с посвистом. Еще желательно, чтобы на улице была метель и ветер выл, а у тебя в руке сигарета, и сидишь ты на крепко сколоченном топчане, покрытом старым одеялом. И в кармане телогрейки – холодная чекушка.

Я курю.

Мимо мальчик идет лет одиннадцати-двенадцати, без шапки, останавливается около меня и требует:

– Дай пять рублей.

Я ему отвечаю:

– Сейчас я тебе лопатой дам.

А он мне:

– Лопатой я и сам могу.

– Я думал, лопатой давать моя прерогатива, – у меня хорошее настроение после пятичасовой интенсивной трудотерапии. Действует метод.

– У кого лопата, у того и прерогатива, – четко так выговаривает мальчик и смотрит на лопату, прислоненную к парапету.

– Ах ты, паразит, – говорю я, а мальчик корчит рожу и неспешно ретируется в сторону мусорных баков.

Я докуриваю и тоже ухожу.

У дома вижу бабу Зину и ракаю ей махами, а она мне кричит от соседнего подъезда:

– Только идешь?

– Ага.

– Досыта, значит, сегодня.

А Жулька тявкает из сугроба и виляет хвостом в знак приветствия.

Из сугроба лишь хвост ее и видно.

Дракон

Пока я расчищал парадную дверь, повелитель дракона зафигачил вчистую дорогу. Вообще без него я бы пропал.

Пошел к парикмахерской, начал кидать снег, слышал, как за углом скребет пешней лед айсор Боря. Я теперь новым способом работаю: раньше снег сгребал в одну общую кучу, а потом перекидывал его на газон. Сейчас сгребу метр-полтора, перетаскаю, еще метр-полтора, опять перетащу.

И так далее.

Не знаю, как лучше, но волочить лопату с кубометрами снега, собирая его в огромную гору, сил нет. Тем паче она цепляется за что ни попадя. Или размахиваешься лопатой от души, вгоняешь в сугроб, а она, сука такая, упирается в смерзшийся снег. Нет ничего хуже, когда размах пропадает на половине. Чувствуешь себя жестоко обманутым в лучших побуждениях. Другое дело, вонзишь ее в чуть мокрый снег по самое не балуй, смачно и со вкусом, поднимешь, трещащую от нагрузки, и кинешь за спину, через правое плечо.

Примерно так.

На нейтральной полосе

Боря, круглосуточный дворник, теперь использует нейтральную полосу шириной в три метра между нашими участками как временное хранилище снега. Сгребает туда от своего пограничного столба грязную кашу и радуется, надо полагать. Я молчу, как лицо не заинтересованное, но очень впечатлительное. Потому что дураку ясно: как только дойдет дело до раздачи призовых слонов, эти три метра придется кому-то брать. Мне они не нужны, Боре, судя по всему, тоже. Значит, хозяин-барин с Бориным начальником упрутся рогами и будут делить, то есть всячески отбрыкиваться от полосы, под патронажем районной администрации. Только так.

Пока мы с Борей гребем каждый свое. Причем у служебного входа в круглосуточный лабаз возникла даже некоторая конкуренция. Дверь входа на мою территорию смотрит, и мне соответственно нетрудно пару-тройку лопат кинуть, чтобы девчонки-продавцы в снегу не тонули. А сегодня, смотрю, Боря, сверкая в предрассветной мгле зубами самоварного золота, старается, ну я и отошел в сторонку.

– Здравствуй, – говорит он мне.

– Здравствуй, – отвечаю я ему.

И дальше гребем.

Закончил я у парикмахерской, встал к парапету, как полагается, и закурил. Мимо люди идут. А я стою. А они идут. Тетки через сугробы прыгают, а мужики напрямую прут.

В общем, жизнь налаживается.

Битники

Я оказался прав, Керуак – редкостное говно.

Меня вообще восторг перед шарлатанами самой жизни деморализует. Более того, я по мирозозерцанию – мизантроп и всех, кто ни хрена

не делает, а только груши шлангом околачивает и при этом говорит красивую и пафосную хрень, презираю.

А иногда и не презираю, чего ж, думаю, с них взять, пусть треплются. Не убивают же.

Отчаяние

Снег валит сплошной стеной, зачерпнешь лопатой, кинешь, повернешься обратно – как не прикасался. Золотозубый Боря говорит:

– Ты у того входа начинал? Да?

– Да.

– Я сейчас там был – все завалено.

Что тут можно ответить. Покурили мы с ним у стены магазина, посоветовали на снегопад, и он уточнил:

– Будет идти до апреля? Да?

У него получается с тяжелым акцентом, воспроизводить который здесь нет никакой нужды. Ну, примерно, так: «до апрэла?»

Я пошел к парикмахерской, где испытал тяжелый шок, переходящий в отчаяние. Утром, в шесть часов, едва я вышел на участок, видел дракона, чистившего дорогу. А сейчас передо мной лежит целина. Девственная. Ни малейшего следа деятельности человека или мифических существ, как то: валькирий, орков и саламандр. Сплошной снежный ковер, мне по колено.

Начал сгребать. Греб часа три-три с половиной, мешала «хонда», брошенная хозяином пару дней назад на площадке перед дверями парикмахерской. Обошел драндулет по периметру, получилось – забавно. Только встал у парапета перекурить, «Хонда» замигала подфарниками, запиликала и начала прогреваться. Значит, сейчас подойдет орел. Или орлиха; маленькая машинка – дамская, в крайнем случае унисекс. Стою, курю, к машине подваливает мальчик в курточке с капюшоном и без головного убора. Начинает счищать щеткой снег с лобового стекла.

– Давай короче, – культурно прошу я.

– Еще чуть-чуть, – докладывает мальчонка.

Уехал, а я сгреб контур его машинки и огляделся. Более-менее, хотя до «нормального» далеко. И полоса эта еще нейтральная проходит между нашими участками, как немой укор всем дворникам мира.

Народ вязнет в снегу и чертыхается.

Плюнул я на амбиции и вычистил нейтральную полосу, просто так, чтобы люди могли ходить.

Нехай.

Потому что харэ

Купить попугая, назвать его Бодрийяр и научить выговаривать: Деррида, Дер-р-р-рида, Дер-р-р-р-рида!

Урк

Поголовье дебилов увеличивается как-то не пропорционально. Но это я так, к слову.

Словарь

Гребу у служебного входа, закрытого администрацией то ли в связи с обильным снегопадом, то ли за ненадобностью вообще. Мимо топают два дворника в оранжевых жилетах, настоящие асы и кентавры. Первый дворник, тетя, проходит мимо, а второй дворник, дядя, останавливается около меня, смотрит на забитую машинами площадку перед парикмахерской и говорит:

– А ты прямо на них кидай.

– Ага, – отвечаю я и продолжаю грести.

– А то, вишь, моду взяли ставить где придется, а мы их обслуживай, – дворник дышит стопроцентным перегаром: густым, вчерашним – правильным.

Я гребу.

– Обихаживай, – добавляет дядя и идет себе дальше, маленький, метр с кепкой, но широкий.

Мне понравилось слово «обихаживай», домашнее и ласковое, давно его не слышал. Хотя логики в словах дяди я не уловил. Смысл понял, а логики не уловил.

О! блондинка пришла, пора домой. Сейчас разложу собакам еду, и все.

Цитата

Из Аркадия Аверченко, блестящего и неподражаемого:

«Да. С романом Брешки внизу! Как это он: “Виконт надел галифе, засунул в карман парабеллум, затянулся “Боливаром”, вскочил на гунтера, дал шенкеля и поскакал к авантюристу Петко Мирковичу!” Слова-то все какие подобраны, хе-хе...»

Брешко здесь – это Николай Николаевич Брешко-Брешковский, знаменитый русский беллетрист, писавший авантюрные романы. Я читал «Ремесло сатаны» и «Дикая дивизия» – нормалек.

Зы.

Получилась двойная цитата, одна в другой.

Отчаяние-2

Снег мокрый и неприподъемный, лопата гнется и трещит. Таскаем вместе с Борей: он у круглосуточного, я у парикмахерской. Боря часто присаживается к стене передохнуть, а я предпочитаю сделать полностью, потом курить. Это из детства, из Джека Лондона, там, где Смок Белью наблюдал за индейцами и делал вывод: долгие переходы – долгий отдых. А может, мне так удобнее. «Хонда» дрыхнет на том же месте, мешает, зараза.

Сколько раз я мечтал обрести работу, где не будет всяческого дрека и дерипаса. Где будет чистое наслаждение трудом и хорошо выполненными обязанностями. Казалось, работа дворником – то, что надо. Ан нет. До фига заморочек. Вчера сгреб снег к дороге, сформировал там красивый ровный бруствер, сегодня его размолотили машины, паркующиеся на площадке перед парикмахерской. Представлена безобразная грязная снежная каша в обильном количестве.

Пошли они на хрен.

«Хонда» слегка вздрагивает, зажигает подфарники, удивленно смотрит вперед, потом урчит и протирает глаза – стреляет на лобовуху незамерзайкой и проводит пару раз дворниками (какая ирония), как будто поднимает и опускает веки. Мне нравится на нее такую смотреть, а вот то, что хозяин бросает ее поперек дороги, – нет.

Когда он подходит, я некоторое время думаю, дать ему по едалу или погодить. Решаю погодить, потом решаю, что дать ему по едалу – это испортить себе карму и настроение на весь день.

Хотя состояние к тому времени у меня было подходящее.

Цитата-2

«...Ибо чтобы здесь, в такую погоду, что-нибудь делать – нужны только грандиозные мотивации, а то и просыпаться не стоит» (Д. Быков).

Ну, проснулся, ну, встал, пошел на улицу с лопатой.

Какие, на хрен, мотивации?

Труд

Хорошая штука – опыт. Он учит, что все русские поговорки и сказки – работают. Что все образуется само собой, что все авось наладится и заколосится. Что сенокос – дело правильное и нужное, а колхоз – добровольное. Что я потихоньку решу проблемы с паркующимися машинами, бухающими алкашами и охреневшим начальством. Что, в конце концов, работа не волк и в лес не убежит.

Или:

1. Есть терпенье, будет и уменье.

2. Орать – не в дуду играть.

3. Цыплят по осени считают.

В таком ключе.

И еще: смерть смертью, а крышу крой.

Бляха-муха

Из инета:

«Летом дворники ходили в черном картузе из черной кожи с лакированным черным козырьком для защиты от дождя; на околышке медная пластинка с надписью “Дворник”. Они носили специальный так называемый дворницкий жилет. Это был черный или темно-синий двубортный глухой жилет с небольшим вырезом и с отложным воротником. Застегивался он на семь-восемь маленьких пуговиц по борту. Под жилет надевалась русская рубашка из сатина или ситца. Она выпускалась из-под жилета. Сверху дворники обязательно носили белый холщовый фартук с нагрудником. На шее у дворника на медной цепочке висела большая медная овальная бляха, на которой по кругу была надпись с названием улицы и номер дома. Иногда бляхи не висели на цепочке, а прикалывались с левой стороны груди. У дворника был свисток, чаще всего сделанный из рога. Дворники носили широкие черные шаровары и высокие сапоги, яловые или с “гамбургскими передами”. Весной и осенью на сапоги надевались от сырости глубокие калоши. Верхней одеждой дворника была поддевка, подпоясанная кумачовым кушаком.

Ночью на дежурство они надевали огромный, до пят, черный тулуп с большим шалевым воротником. В тулупе они и спали в подворотне. Зимой вместо картуза дворники носили круглую барашковую шапку того же фасона, что и городовые.

Обычными были борода и усы, а волосы подстригали “в скобку”. Дворники из бывших солдат бороду брили, стриглись коротко, оставляли лишь усы. Дворники татары голову брили, носили небольшую бороду и усы, на голове тюбетейку из сукна или бархата. Дворники государственных зданий носили фуражку с кантами по цвету, присвоенному ведомству, круглую кокарду, двубортный черный бушлат с металлическими пуговицами, присвоенными ведомству, и с петлицами».

Морок

На улице – плюс. Мы с Борей счищаем снежную кашу и гоняем воду. Бывает, перекуриваем: я – сигарету, а Боря – насвай.

В общем-то все тихо-мирно.

Иногда Боря спрашивает:

– У тебя дети есть?

Или:

– Завтра во сколько придешь?

Иногда я спрашиваю:

– Как оно?

Или:

– Я тебя вчера видел?

Потом мы оба встаем, упираемся на лопаты и смотрим вдаль. Что мы там рассматриваем, я не знаю. Может, светлое будущее, полное чистых тротуаров, дорог и подъездов к служебному входу.

А может, просто так стоим.

Кольца и браслеты, юбки и жакеты...

Я теперь гребу, собираю мусор и ни во что не вмешиваюсь, делаю свою работу, а они: срут – пусть срут, ссут – пусть ссут, блюют – пусть блюют. Кидают бутылки, банки, сигаретные пачки, целлофановые пакеты, окурки, бомбы, понты.

Богу нужны все.

Мне, что ли, их судить.

Лето придет

Что остается добавить.

Зима будет длинная и снежная, но мы ее переживем, как пережили предыдущие. Перекидаем весь снег и расколем весь лед, где бы он ни был. Передумаем все думы. Даже поднимем все пустые бутылки. И все пустые разговоры.

Наведем порядок.

Потом будет весна и лето, а летом, говорят ветераны, в сто раз легче работать дворником и человеком, чем в остальные времена года.

Так что бум жить дальше.

Красота как она есть

Вчера первый раз не вышел на работу. Не смог подняться, постоянные перепады температуры с плюса на минус сделали свое дело. Внешнее атмосферное давление никак не хочет соотноситься с внутренним. Короче, тошнит, слабость, и голова едва не отваливается. И, что самое главное, именно в этот день, точнее ночь, с плюс два захреначило на минус двенадцать.

Лежал на диване и четко представлял, как мокрый снег замерзает, превращаясь в грязный лед и дополнительные проблемы. Испытывал тяжелые угрызения совести в связи с прогулом. Весь день насмарку. Даже чаю не пилося.

Сегодня рубил наледи.

Нет уж, братцы, лучше каждый день помаленьку.

Через «не хочу», через «мать вашу».

Дискурс

Тащил через дорогу лопату со снегом, место такое неудобное у парадного входа, что умнее через дорогу оттащить, чем на газон за тридевять земель носить. Пока пер, в меня на полном ходу врзался мужик. В меня врзался и меня же обозвал. Пришлось сначала догнать мужика и объяснить ему политику партии на ярких и убедительных примерах с черенком и кишечником, а потом сгребать снег с дороги.

Вытащил из бака картонную коробку и собрал мусор. Изрядно вчера наколобродили: помимо обычного набора из пустых пивных банок и водочных бутылок, сигаретных пачек и полторашек из-под лимонада, пластиковых и стеклянных стаканов, прибавились тряпки. Буквально тряпки, уж не знаю, зачем и чего они рвали, но нарезали немало. И все такое воздушное, гипнуровое.

Блондинки что-то не видно, начинаю беспокоиться.

И «хонды» нет.

Установки

Гребу у парикмахерской, Боря советует:

– Не надо к дороге, да?

– Барин велел.

– Штраф – сорок тысяч рублей, – у Бори во рту насвай, он говорит немного шепелявя.

– Да иди ты?

– А?

Не было печали. Начинаю оттащить снег на газон. Скольжу на льду, чуть не падаю, когда иду обратно, замечаю необычный пакет. Подхожу поближе – кулек из «Макдональдса». Учитывая, что ближайший раздаток находится за шестнадцать остановок от круглосуточного лабаза, люди специально приезжают сюда из центра города есть гамбургеры. И пить кока-колу: пара бумажных стаканов валяется тут же. Там покупают, а едят здесь, перед служебным входом.

Мимо пролетает дракон, тормозит, из кабины выглядывает Петрович, который наверняка не Петрович, и просит:

– Мне бы аванс?

– Чего?
– За полмесяца, рублей пятьсот.
– Я поговорю с баринном.
– Ага, – повелитель дракона захлопывает дверь и, рыча, уносится в горные выси.
Или где там живут птеродактили.
Днем звоню хозяину-барину, докладываю:
– Тракторист просит аванс.
– Нет денег, – барин в своем репертуаре.
– Да и хрен с тобой.
Я решаю на следующий день отдать Петровичу пятисотку из личных запасов, из кровной нычки, некоторым образом.
За базар надо отвечать, и вообще – честь дороже.

Тема

Срубаю метр смерзшегося снега от угла служебного входа по направлению к мусорным бакам. Барин приказал. Я этот так называемый тротуар специально снегом закидываю, чтобы на углу не ссали и не пили, а барин говорит: руби. Ну и рублю.

Хорошо слежался снежок, на него еще удачно с крыши течет при оттепелях, а потом морозом прихватывает, и по плотности он стал сродни бетону. Такие ощущения от отскакивающего лома. Не бруствер, а редут.

А разговор по телефону у нас с баринном вышел следующий.

Хозяин-барин:

– А чего это ты тротуар у служебного входа не чистишь? Тот, что к помойке ведет?

Я:

– Так ведь ссут.

Барин:

– Ну и что?

Я:

– Блин.

Барин:

– Все равно сруби, хоть метр.

Взял я у продавщицы Вали из отдела обоев лом и пошел. А Валя прокомментировала:

– И что это вы на такой страшный инструмент перешли?

Цитата-3

Хочу тут цитату из инета привести в ответ на всяческие инсинуации:

«В двадцать первом веке мало что изменилось в содержании труда дворника – ручной физический труд на виду у множества людей. К сожалению, профессия дворника, труд которого так необходим людям, никогда не была престижна. И в царской России, и в советские времена, и сейчас дворниками работали и работают чаще всего люди, приехавшие в город из другой местности. Дворников со старых времен до недавнего времени обеспечивали жильем. В дворники шли люди старшего возраста, часто одинокие.

Профессии дворника и мусорщика психологически очень специфические».

Это, понятно, про железных дворников-кентавров, а меня обеспечить могут только неприятностями. Специфическими.

Да и местный я, родился здесь, впрочем, как и мои: отец, дед и даже прадед.

Трудовые будни

Никак не могу поймать повелителя дракона, чтобы передать ему аванс. Не состыковываемся. Снега нет, и я провожу на улице не так много времени: соберу мусор, пошкрябаю лопатой у входа для понта, покурю, и все.

Сегодня лопата как-то неправильно звучит, очистил ее от снега, пригляделся – елки-пали, стерлись клепки, удерживающие ножовочное полотно на совке. С одного края пила отошла и постукивает с неприятным всхлипом. Приду домой, надо будет посадить на болты, клепок-то у меня все равно нет.

Пока разглядывал лопату, подъехала мусороуборочная машина, лихо затормозила у баков, из кабины вылез паренек, поколдовал у ручек пульта управления. Потом опрокинул баки в ненасытное нутро монстра, роняя по дороге картон и всякую мелочь.

Пространство вокруг баков уделано на загляденье. Скоро будет не подойти и не подъехать. Паренек посмотрел на меня, хотел было что-то сказать, но передумал.

Когда машина улетела, я подобрал все, что они уронили, и немного почистил снег вокруг баков.

Покормил собак и пошел домой.

Зы.

Блондинку не видел.

Дворник Боря

Боря спрашивает меня:

– Тебе сколько лет?

– Сорок пять.

– А мне? Только честно?

Выглядит он, надо сказать, на все шестьдесят четыре и больше всего похож на активного сидельца по статьям средней тяжести.

– Сорок семь, – говорю я.

– Эх! Откуда знаешь?

От верблюда.

Боря расстроен: накануне его жену, работающую в киоске продавцом, оскорбил покупатель. Боря хотел отомстить люто, но жена уперлась, дескать, не смей, опять посадят. Вот Боря мне и жалуется на судьбу с утра. Подтверждая мою версию о его большом уголовном прошлом.

– Сто рублей кинул, маленькую водку взял.

– Ну? – интересуюсь я дальнейшим развитием событий.

– Потом коньяка стаканчик, – Боря вытаскивает пачку сигарет, – будешь?

Мы закуриваем.

– Так расстроился, даже снег убирать не стал, – подводит итог Боря.

– Понимаю, – сочувствую я и беру лопату.

На площадке перед парикмахерской стоит шикарный «лексус». Минут двадцать назад из него вылезла пигалица ростом с колесо

означенного транспортного средства и, пикнув сигнализацией, убежала. А я проглядел этот момент и не успел послать ее в жопу, то есть на другую самодеятельную стоянку.

Когда теперь явится укротительница внедорожников, неизвестно, и я огибаю машину по контуру.

– А начальник мне тысячу рублей дал, – сообщает Боря.

– ?

– За то, что я вот этот снег перекидал, – Боря показывает на порушенную им часть находящегося на его территории бруствера.

– Молодец, – отвечаю я.

– Кто?

– Оба.

Боря вздыхает, берет картонную коробку с мусором и отправляется к бакам.

Брызговик

Отдал я повелителю дракона Петровичу пятьсот рублей.

Дорогу он уже почистил, и я принялся за служебный вход. Снега навалило – ни пером описать, ни в сказке сказать. Греб три часа, когда вышел к парикмахерской, от меня аж пар валил. Остановился перекурить у парапета. Разглядел что-то непонятное на другой стороне дороги. Пошел, поднял – огромный брызговик от грузовика. Постелил его около входа. Чисто на загляденье.

Пока стоял и курил, тут же замерз, натянул шапку с помпонами поглубже, схватил лопату и давай снег кидать поближе к обочине. Нехай барин штраф платит в сорок тыщ.

Отдал бы трактористу пятьсот рублей по-хорошему, тот бы все и отволол, а теперь я и не заикаюсь.

Потому что тот, кто экономит на оплате людского труда, потом выкладывает втрое, если не вчетверо, больше.

А может, и не выкладывает, кто их, капиталистов, разберет.

Видел блондинку.

Лытдыбр

Странно, но площадка перед парикмахерской пуста. Ни тебе «хонды», ни тебе «лексуса». Снега выпало недельная норма – сам по телевизору слышал, – поэтому упирался долго. В редкие перерывы курили с Борей у стенки круглосуточного лабаза. Разговаривали о бренности сущего. Боря, сверкая золотыми зубами, не соглашался:

– Не понимаю.

Я напирал:

– Осознай.

– Нет. Не может быть.

– А я про что? Быть – не может.

В общем, вели дворницкие философские беседы. Как Павел Флоренский с Сергеем Булгаковым.

Снег падал.

Потом мимо прошкандыбали незнакомые алкоголики и попросили не бить их лопатой.

Пришла блондинка, я покормил собак, и, вроде бы, все.

Отрывок-2

«В те времена палаток букинистов было до тридцати. Здесь можно было приобрести все, что хочешь. Если не найдется нужный том какого-нибудь разрозненного сочинения, только закажи, к другому воскресенью достанут. Много даже редчайших книг можно было приобрести только здесь. Библиофилы не пропускали ни одного воскресенья. А как к этому дню готовились букинисты! Шесть дней рыщут – ищут товар по частным домам, усадьбам, чердакам, покупают целые библиотеки у наследников или разорившихся библиофилов, а “стрелки” скупают повсюду книги и перепродают их букинистам, собиравшимся в трактирах на Рождественке, в Большом Кисельном переулке и на Малой Лубянке. Это была книжная биржа, завершавшаяся на Сухаревке, где каждый постоянный покупатель знал каждого букиниста и каждый букинист знал каждого покупателя: что ему надо и как он платит. Особым почетом у букинистов пользовались профессора И.Е. Забелин, Н.С. Тихонов и Е.В. Барсов.

Любили букинисты и студенческую бедноту, делали для нее всякие любезности. Приходит компания студентов, человек пять, и общими силами покупают одну книгу или издание лекций совсем задешево, и все учатся по одному экземпляру. Или брали напрокат книгу, уплачивая по пятаку в день. Букинисты давали книги без залога, и никогда книги за студентами не пропадали».

Любимый автор, один из лучших.

Воспитание чувств

Ночью шел снег.

Греб у парадного входа, а народ пер по нагребанному. Хлебный фургон припарковался на тротуаре, где мне предстояло чистить, и стоял полчаса. Пьяный мужик зашел за угол и принялся ссать.

Я вогнал лопату в кучу снега, ухватил побольше и потянул вверх, а в это время тетка в шубе, шедшая мимо парадной двери, совершила некое странное движение. Она подпрыгнула, видимо, желая перескочить через скучкованный мной снежок, вытянула ногу, утробно выдохнула (с подвизгиванием) и приземлилась ровно на лопату. Раздался неприятный звук несанкционированно сгибаемого металла.

О, как это воспитывает характер!

О!

В том плане, чтобы никого не убить.

Дружба народов

Поздоровался с Борей и продолжил свои упражнения на свежем воздухе.

Боря приходит чуть позже меня, забегает в круглосуточный, потом появляется с лопатой и начинает чистить фасад. Я в это время заканчиваю разгрести у парадного и перемещаюсь к аварийному выходу, произрастающему из земли. Следом – служебный закрытый вход, затем у парикмахерской.

Когда я огибаю здание и выхожу на финишную прямую, Боря подходит со мной покалякать. Обычно он спрашивает:

– Как дела?

Я отвечаю:

– Нормально. А у тебя?

Он говорит, что все, мол, путем, и мы продолжаем грести.

Но сегодня, вместо того чтобы поинтересоваться моими делами,

Боря произнес:

– Узбека одного видел.

– Так, – отозвался я.

– Ему моя жена говорит: «Смотри, у меня муж не подарок».

– Угу, – я стараюсь соответствовать моменту.

– Ну вот.

Боря уходит.

Судя по всему, разговор у нас получился содержательный и многозначительный. Знать бы еще, о чем.

Столбы и столпы

Красота.

Снега ровно столько, сколько нужно, чтобы насладиться трудом и тихим субботним ранним утром. И погода подходящая – минус пять. Гребется вкусно и с удовольствием. Редкие прохожие почти не мешают. Лопата шваркает по плитке и смачно врезается в снег. Его консистенция сегодня та, что Смилла сравнивает с сероватым мелким жемчугом. Бруствер у края дороги, нагретый мной вчера, порушен машинами. На углу у помойки в связи с прошедшей пятницей рекордное количество пустых банок и бутылок.

В общем, вокруг покой и благодать.

Боря приходит поздороваться, и мы недолго треплемся ни о чем.

– Как дела, брат? – вопрошает он.

– Прекрасно, – отвечаю я.

– И у меня!

Потом я дочищаю у парикмахерской и встаю перекурить около па-рапета. По тротуару довольно резво чешет поддатый мужик, спешит в круглосуточный. У районного муниципалитета горит единственный фонарь, и мне хорошо видно, как мужичок, слегка не рассчитав траекторию, поскользывается и врезается в него.

Вот тебе и столб, вот тебе и утверждение истины.

То, что сейчас называется нуар

Чищу аварийный выход, произрастающий из земли. Он расположен под углом, и, когда я поднимаюсь на верхнюю точку, чтобы согнать лопатой снег вниз, а потом перекидать его на газон, мне видно пространство за мусорными баками. Как на ладони. Я стою на двери, привычно смотрю за стенку, отделяющую баки от газона, и замечаю беспорядок. Некий предмет, засыпанный снегом. Похоже на какой-то сверток. Я тыкаю в него лопатой, пока не ожидая ничего плохого.

Матерчатая спортивная сумка.

Вот елки-палки, сразу представляются отрезанные и упакованные части расчлененного тела. Надо меньше смотреть фильмов категории «Б».

Нагибаюсь и вытаскиваю сумку. Тяжелая. Бросаю ее на снег. Открыть не хочется, если там, допустим чья-нибудь голова, хоть того же Альфредо Гарсии, придется вызывать полицию и долго давать показания. В то же время любопытство съедает. Я оглядываюсь – вокруг никого. Что неудивительно: шесть утра, исподняя стена магазина, мусорные баки.

Алкашей и тех не видно.

Я решаюсь.

Счищаю перчаткой снег с молнии и расстегиваю сумку.

Воскресенье

Проснулся, подумал, ну его на фиг, не пойду грести. Потом вспомнил, как весь день страдал во время первого прогула, и, преодолевая обморок недосыпа, встал. Выполз на улицу.

А на улице покой и тишина, только моя лопата, скребя снег, вносит диссонанс в умиротворение. Свежий воздух, какой-то ватный свет, а я – швырк-швырк.

Швырк-швырк.

А может, это и не диссонанс, а недостающий элемент гармонии. Как посмотреть. Мимо прошли знакомые алкоголики и поздоровались издали – помахали руками. Я как раз у мусорных баков греб, а они шли из круглосуточного лабаза и обсуждали свои дела. Дела у них – ничего, судя по всему. Судя по бутылкам в руках.

Я догреб у баков, у служебного входа и пошел к парикмахерской. Бори не видно. Людей тоже. Блондинки тем паче. Сейчас почищу и пойду кормить собак. Затем покурю у железного парапета, и рабочий день закончится.

Короткий и приятный.

Все-таки счастье достижимо.

Не дружба народов

Днем позвонил хозяин-барин и сказал, что желает встретиться. Мне, конечно, идти никуда не хотелось, но я преодолел вековое классовое отвращение и поплелся к магазину. Даже врать не стал по телефону, что смертельно занят и сейчас нахожусь не дома, а, допустим, в Гродненской области. Придя, засек барский внедорожник у открытого по такому случаю служебного входа и спустился в офис около туалета. Барин сидел за столом, руководил.

Потом заметил меня:

– Пойдем наверх.

Мы поднялись на улицу, подошли к горе снега на ничейной территории между нашими с Борей участками, барин широко повел рукою и рек:

– Вот.

– Что «вот»? – уточнил я, хотя уже догадался.

– Комиссия сегодня ходила из администрации.

– Начинается.

– Понимаешь, – барин вытащил мобильник, – они в одиннадцать часов ходили. Меня тут не было. А эти из круглосуточного были.

– Ну?

– Ну, они и сказали, что эту гору нагреб ты, – барин тут же принялся усиленно кому-то названивать.

Я этот его прием знаю: он, когда хочет на меня очередную пакость взвалить, сначала ее выкладывает, а потом срочно начинает вести важные переговоры, чтобы я не успел его с ходу на хрен послать.

– Так, – сказал я. – Кто «они»?

– Боря.

– И чего надо?

– Кучку убрать.

– Кучку?

– Ее.

– Вот эту?

– Угу.

– Всю?

– Срубил хотя бы до половины, а? Вот так, – он подрезает рукой воздух, примерно на середине моей груди, – и хватит. Все равно мы их облапошим. А я вам с трактористом, не только аванс, но и подсчет пораньше дам.

И он опять сделал вид, что ему нужно немедленно звонить.

Набрал я в легкие морозного воздуха с запасом, прокрутил в голове примерную матерную тираду о тотальной справедливости, достижимой исключительно эмпирическим путем, открыл рот и неожиданно для себя ответил:

– Хорошо, срублю кучку.

И пошел домой.

По дороге любовался божьей благодатью, разлитой повсеместно.

Энтузиазм

Срубал кучку.

Сделал свою обычную работу и принялся срубать. То есть сначала подошел к кучке и задумался. Оптимизма она не внушала: высокая и хорошо слежавшаяся, в диаметре метров пять. Утыканная разноцветными пивными бутылками. Красиво обложенная мятыми сигаретными пачками. Инкрустированная бычками.

Ладно, глаза боятся, а руки делают. Вогнал первую лопату, и дело пошло. Единственный трудный момент, куда снег отгаскивать. По всему получается, что, кроме как через дорогу на газон АТС, больше не куда. Начал таскать, постепенно добрался до припаркованной «девятки» «жигулей». У самого края дороги машина стоит, очень мешает. Почесал я репу под белой шапкой с красным помпоном и принялся складировать снег вдоль борта автомобиля.

Складировал-складировал и засыпал тачку по самые стекла.

Придет владелец, обрадуется необычайно.

Пока же только Боря рядом крутится, здоровьем интересуется. Я после его предательства рассказывать о здоровье не хотел. Спросил:

– Ты меня заложил комиссии?

– Я до столба убираю.

– Ясно.

В общем, срубил кучку и пошел собак кормить.

Практическое человековедение

Всю ночь мела метель, а к утру потеплело.

Лопату с насквозь мокрой субстанцией, еще недавно именуемой снегом, от земли не оторвать. Приходится брать по половине, по четверти. Таскаю через дорогу, складываю все у тех же «жигулей», припаркованных на краю дороги. Припаркованных, надо сказать, строго, через жопу. Еще немного, и автомобиль скроется из виду, засыпанный мокрой кашей. Потом начнутся морозы, ее прихватит.

Мокрый снег сгребается плохо. Во-первых, лопата сдирает наст до асфальта. Во-вторых, грязь развозится по всему участку, и выглядит это дело безобразно. В-третьих, просто надоело.

Перекуриваем с Борей. У него сложные отношения с местоимениями и моей идентификацией. Сначала он говорит:

– Здравствуй, брат.

А потом спрашивает:

– Вы уже все убрали?

Я отвечаю соответственно:

– Здравствуй, Боря.

И:

– Да, а вы?

Такая у нас семиотика.

Пиастры

Хозяин-барин выдал заработанную плату. Все прошло довольно мило, я спросил:

– Ну?

Барин:

– Чего?

Я:

– Сегодня – пятнадцатое.

Учитывая, что накануне мы с барином договорились встретиться в его офисе около туалета для передачи денег, его забывчивость можно объяснить только невероятной загруженностью государственными делами.

– Ах, да-да-да, – вспомнил барин и полез в карман.

После чего отдал причитающиеся нам с трактористом Петровичем купюры и тут же уткнулся в мобильник.

А я попрощался и пошел в книжный магазин.

Обожаю книжные магазины.

Но дойти до него сегодня мне не удалось.

«Баллантайн»

В двенадцать часов дня позвонил хозяин-барин. Я как раз ехал на автобусе из книжного, где (в магазине) похабно вождеделел трилогию «Миллениум».

Барин начал издали:

– Ты минут через тридцать сможешь подойти к магазину?

И я попался, ответил:

– Смогу.

– Только приходи с лопатой и в рабочей одежде.

– Чего... – начал я, но барин уже отключился.

Зная мое отвращение к любым телефонным переговорам, рассчитал он все правильно.

– Вот ведь сука какая, – сказал я, вызывая негодование двух теток постпостбальзаковского возраста, беседовавших рядом об интересном. О том, какие травы помогают при запорах и как их лучше заваривать. На паровой бане или просто кипятком.

Пришел домой, переоделся и поплелся к магазину, коря себя за слабость и попустительство. Говоря себе, что это не те деньги, за которые можно бегать на участок по два раза в день по первому звонку. Что это последний раз и сейчас я решительно скажу барину, чтобы он шел еловым лесом. И так далее. И так далее.

Когда я подошел, барин уже скакал вокруг здания и почему зря расточал искренний и неподдельный энтузиазм.

– Крыша течет, – обрадовал он меня.

– ?

– Надо залезть, срубить лед. За отдельную плату.

– ?

– Я лестницу дам.

– ?

– И лом!

Мы вытащили лестницу («Другой нет?») – спросил я. «Нет», – ответил барин), прислонили к стене, и я полез. Где-то чуть выше середины эта хренотень затрещала, потом раздался абсолютно узнаваемый звук абзаца, лестница сломалась, а я полетел вниз. Целил в нагребанный мной огромный сугроб около мусорных баков. В него и попал, сперва ударившись о козырек над дверью служебного входа в круглосуточный.

– Ты живой? – барин дергал меня за ногу, торчащую из сугроба.

– А то.

От грохота, произведенного оторвавшимся козырьком, из соседней двери с круглосуточным лабазом выскочила вневедомственная охрана в количестве двух человек.

– У нас железная лестница есть, – сказала охрана и вынула меня из сугроба.

– Тащите, – ответил я.

Залез на крышу, расчистил снег и обнаружил лед толщиной сантиметров двадцать. Начал рубить, когда пробил лунку, показалась вода. Много воды. Я вырубил сток, и она хлынула вниз веселым весенним потоком. Потом под чутким руководством хозяина-барина выламывал ломом куски льда на указанных местах.

Барин руководил снизу, разгоняя редких прохожих и припаркованные машины. Вода текла по стене лавой. Лед красиво стучался об крыши автомобилей, чьи владельцы отсутствовали.

– Еще метр, – кричал мне начальник.

И я срубал еще метр. Лед был матово-пепельный, монолитный, по крепости чистый мрамор.

– Эту дать? Как ее?

– Пешню?

– Да.

– Давай.

Барин сбегал в подвал и принес топор, приваренный к железному пруту.

– Сейчас закину. Отойди подальше.

Он размахнулся и швырнул.

Попал в единственное маленькое окошко под самой крышей с этой стороны магазина. Пешня разбила стекло и улетела внутрь. Изнутри раздался неприятный звук обильного разрушаемого имущества. И еще визг. Мы замерли. Через пару минут из двери служебного входа в круглосуточный выскочила продавщица.

Я тюкнул ломом по льду. Барин сказал:

– А?

Продавщица спросила:

– Вы охренели?

– Марина... – начал барин.

Но Марина его прервала:

– Идиоты.

И ушла.

Я продолжил рубить лед.

Хозяин-барин отправился за злополучной пешней, а когда минут через двадцать вернулся, я вроде закончил.

– Еще около трубы пройдишь, и все, – попросил он.

Я прошелся и слез вниз без приключений.

– Пойдем, что покажу, – предложил барин.

Мы спустились в подвал, он открыл дверь в какую-то подсобку и вытянул руку. В отверстии, пробитом в бетонном полу, плескалась вода.

– Полметра, – сообщал барин, – тут все на болоте стоит.

– Я знаю.

– Нет, ты не можешь знать, ты еще маленький был... Пойдем, я тебе отдельно заплачу.

Мы зашли в офис у туалета, и барин выдал мне двести рублей.

– Пришлось им коньяка дагестанского купить, – поделился он со мной радостью, – чтобы не орали. А то они обедали сидели, а тут эта хрень прилетает... Неудобно получилось... А завтра окно заколотим.

– Вестимо.

Я сунул две купюры по сто рублей в карман и подумал, что мой кошелек пьет виски «Баллантайн». Двенадцатилетний скотч, по цене за бутылку значительно, превышающей месячный заработок дворника.

Такие дела.

Выпивает он ее, кстати, минут за сорок–сорок пять. Без закуски.

Зы.

До вожделенной трилогии не хватало ровно восьмисот рублей.

Казуал

Все утро убирал вчерашние, сброшенные с крыши льдины. Таскал на руках те, что побольше, и лопатой всякую мелочь. Когда выполз к парикмахерской, Боря сказал:

– Видел тебя вчера.

– Привет, – поздоровался я.

– Здравствуй, брат.

Боря стоит и улыбается. В руках – новая лопата из консервной банки, во рту – старые золотые зубы из медного самовара.

– Начальник велел вот это убрать, – Боря показывает на грязный снег, сгучкованный им напротив входа в хозяйственный отдел.

- Угу.
– Раскидаю, – Боря швыряет снег на площадку перед магазином, заставленную машинами.
– Угу, – говорю я еще раз и ухожу к парапету курить.
Надо обдумать одну штуку.
Хозяин-барин вчера, после того как я уже вышел из подвала, догнал меня около остановки и предложил:
– Прояви инициативу?
– Нет.
– За отдельную плату. Как только перепад температуры, так ты сразу хватаешь лестницу и чистишь на крыше снег?
– Нет.
– Значит, договорились. А лестницу будешь у охранников брать, да?
Он выхватил из кармана мобильник, прижал его к уху и рванул обратно, к припаркованной возле помойки «хонде».
– Да, блин, – произнес я в пространство.

ЗРД (Загадочная русская душа)

Ну, мать же вашу!

Реестр

Не знаю кого как, а меня всегда привлекали профессии, рассчитанные на некоторое уединение и созерцательность характера:

бакенщик;

смотритель маяка;

путевой обходчик;

или связанные с возможностью ухаживания за животными.

Например, конюх.

До недавних пор и профессию дворника я относил к таковым. Пока не начал работать и не убедился в тесном общении нас (дворников) с населением. Вот и в интернете написано, что это специфичный труд на глазах прохожих.

Прыгают люди через лопату и все время норовят наступить на толь-ко что нагретое. С другой стороны, что на них обижаться.

Чисто дети же.

А насчет смотрителя маяка стоит подумать.

Тишь

Подморозило.

Сначала, как полагается, всю ночь капало, а потом температура упала до минус пяти. На улице – каток. Пока шел до участка, два раза чуть не упал. Пришел, собрал пустые бутылки, непонятные бумажки, стеклянные стаканчики из-под водки и мятые сигаретные пачки. Выкинул в бак, огляделся – никого.

Темно, хоть глаз коли.

Перекурил у парапета и подумал, что вполне мог бы и не выходить сегодня, а поспать подольше. Еще бы знать наверняка, когда выходить, а когда необязательно. Бывает, ни снега, ни дождя, ни народу накануне,

а выйдешь на работу – территория как специально устряпана заподлицо. А бывает наоборот: всю ночь орут у магазина, празднуют, допустим, футбольную победу черт знает кого над мать его знает кем, а на участке чистота и порядок.

Короче, хреновый из меня метеоролог.

Лунное дыхание

Недавно узнал, что левая ноздря женская и осуществляет лунное дыхание. А правая – мужская и, соответственно, относится к дыханию солнечному. То есть когда человек засыпает, правая ноздря перекрывается и не дышит, а левая – наоборот. Это чтобы организм успокоился. Значит, чтобы возбудиться, надо левую заткнуть, а правой подышать.

Дивная штука.

То-то я по утрам в ванной не мог понять никогда, чего это одна ноздря забита, соплю, что ли. А это, оказывается, организм еще не проснулся.

Теперь, когда меня что-то раздражает во время утреннего моциона с лопатой, я в правую ноздрию засовываю палец, а дышу левой. Очень успокаивает.

Знакомый йог Бхарта Бухма-Петров научил.

Кучка

Эпопея с кучей продолжается. Опять звонил барин и требовал кучу ликвидировать. Шантажировал штрафом:

– Выпишут штраф, придется тебе три месяца бесплатно работать.

Мне это не понравилось. Не перспектива трехмесячной бесплатной работы, а сама наглость барского шантажа. Тем более штраф в сорок тысяч мне придется отрабатывать не три месяца, а полтора года или чуть больше. Я барину ответил:

– Куча не моя.

– С администрацией спорить – себе дороже. Ты же взрослый человек?

– Где-то я это слышал.

– Ага.

Барин еще что-то говорил, но мне было уже все равно, я выключил телефон, не попрощавшись.

Кучка-2

Срубал кучу.

Снег за дни оттепели успел слежаться, лопата трещит и предательски гнется. Площадка перед парикмахерской забита машинами, кидаю между ними. Мимо идет Боря и лыбится:

– Привет, брат!

Золотые зубы сверкают.

– Сегодня у нас чисто, да? – он счастлив.

– Да, – отвечаю я хмуро.

Интересно, когда радость труда успела превратиться в обузу? Не тогда ли, когда первый раз позвонил барин и попросил прийти вечером разгрести снег, падавший днем?

Срубил еще сантиметров шестьдесят-семьдесят, в результате куча стала ниже, но значительно шире.

Все это начинает доставать.

А как я мечтал остаться в рамках чистых отношений: добросовестно выполнил – честно заплатил.

Хрен там.

Но, как говорит знакомый йог Бхарта Бухма-Петров, измени не мир, но свое отношение к нему. Начинаю менять. Улыбаюсь старушке, идущей мимо. Старушка шарахается и ускоряет бег. Улыбаюсь кучке – кучка не убывает и не убегает. Улыбаюсь черт знает чему.

Вроде полегчало.

ЗРД-2

Сегодня на моем участке, особенно около мусорных баков, дикий бардак. Но такого запредельного уровня, что может быть только творческим беспорядком.

Не иначе.

Беру лопату, картонную коробку для мусора и начинаю убираться.

Объект – субъект

Из меня, не особо заботясь о соблюдении хотя бы формальных приличий, районная администрация при полном попустительстве барина четко делает крайнего.

Барин:

– Кучу надо убирать.

Я:

– Это не ко мне.

Барин:

– Мне в санаторий ехать.

Я:

– В Ессентуки?

Барин:

– А?

Я:

– Не обращай внимания.

Барин:

– Если приеду и будет штраф, то...

Барин тут инструмент опосредованного шантажа. Транзитная жертва, буфер и одновременно конденсатор накапливания и исполнения административной воли. То есть его пугают, и ему страшно, он пугает меня, и мне противно.

– То что? – спрашиваю я.

Он не знает ответа.

Мы продолжаем препирательства.

Барин:

– И вообще, эта нейтральная территория теперь твоя.

Я:

– Что?

Барин:

– А что?

Я:
– Да ни хрена.
Барин:
– Я не понимаю твоей позиции в этом вопросе.
Я:
– Не может быть.
Барин:
– Слишком ты щепетильный.
И так далее.
Расстаемся взаимно раздраженные.

Чур меня

Возможно, завтра последний день моей дворницкой карьеры. Не выработали мы с барином консенсуса. Мне не нравится, что мой участок пухнет как на дрожжах и что я четвертый день должен рубить пресловутую кучу, к созданию которой не имею никакого отношения. Барину не нравится, что я упираюсь и не выполняю его предписаний. И так далее. При этом мы еще и разговариваем на разных языках.

Когда вышел из офиса, а потом из подвала, то встал покурить у парашета. Покурил и испытал сожаление из-за спора с барином.

Ну, ездят на тебе потихонечку. Ну, обманывают слегка. Ну, все хитрят и увиливают. Ну и что? Прояви понимание, уступи и умойся. Будь лояльнее, барину, поди, тоже нелегко ежедневно отлизывать у районных властей.

Надо что-то решать.

Говорят, искать оправдания для человека, который тебя только что провел или унизил, типично русская интеллигентская черта.

Чур меня, чур.

Трудовые будни-2

Выпал снег, и я возликовал. Надоело бутылки с окурками собирать. Уж лучше снег грести, как раньше, как на заре туманной юности (ц).

Но как раньше не получилось. Что-то ушло. Возил лопатой по плитке около закрытого служебного входа и не испытывал радости. Лишь одну досаду.

Дракон не прилетел, и я вычистил дорогу сам. Просто так. Вернее, из вредности, дал организму дополнительную нагрузку. Психике – отдых.

Не полегчало.

Поздоровался с Борей.

Покурил у парашета.

Плюнул на кучку.

Вдохнул.

Выдохнул.

Вообще-то скоро Новый год, так что не фиг грустить, вперед к новым трудовым победам.

Снова трудовые будни

Без изменений.

Дневник натуралиста

Хотел провести сравнительный анализ количества прохожих на улице в течение недели.

Провел.

Получилось следующее.

В понедельник картина такая: в шесть утра народу меньше, чем во вторник или, допустим, среду и четверг. А вот с семи тридцати и до восьми ломятся стада и толпы. Вывод простой – народ проспал, вскочил, вытирашив глаза, и как угорелый рванул на работу.

В остальные дни примерное равное количество прохожих, что в шесть, что в восемь часов. Естественно, увеличение идет отсюда и до обеда. То есть с шести к одиннадцати дня.

В субботу людей значительно меньше, но тоже есть любители раннего променада. И трудящиеся есть, с деловым видом дожидаящиеся троллейбуса на остановке. Некоторые с бутылкой пива в руке. Даже не некоторые, а поголовно все.

В воскресенье еще меньше. И этим воскресенье похоже на праздничный день. Ранним утром – один-два пешехода, направляющихся черт знает куда.

Но все это относится к людям обычным, алкаши же бегают в кругло-суточный лабаз, невзирая на дни недели и погодные условия.

Суровая у них жизнь.

Мальчик Вова

Местный незлой дурачок. Двухметровый амбал – косая сажень в плечах. На вид лет двадцать пять, а по паспорту все сорок, надо думать. Большой любитель выпить на халяву и оказать услугу полукриминального характера. Сам никогда не нарывается, но если «старшие пацаны», те, что младше его на десяток лет, попросят, Вова сделает. Украдет на рынке закуску, ударит по физиономии провинившегося опойку, сбегает за стаканом.

Он ко мне время от времени приходит сигареты стрелять.

Встает рано, делать-то нечего, вот он и шляется между домами в поисках благ.

– Здравствуйте, – говорит, вырастая из-за плеча.

– Тьфу, блин, – вздрагивая, отвечаю я. – Привет.

– Закурить не найдется?

– На.

Закуривает. Смотрит вдаль. Произносит:

– Так я пойду?

Мы с ним хорошо знакомы, только он не помнит. Не потому что каждый день забывает и живет как с чистого листа, а потому что давно это было.

Лет двадцать назад мы оба отдыхали в пенитенциарном заведении по смешным, но разным статьям. По пустяковому делу, как говорил Яков Менелаевич, глядя в чистые глаза товарища Бендера.

И оба соскочили, отделавшись легким испугом.

Дворницкий инструмент

Вот что я нашел в инете:

В работе дворника используются различные инструменты и приспособления, в частности:

1. Мётлы: подметание мелкого мусора (пыль, листья, окурки).
2. Совок (дворницкий): переноска мелкого мусора, заметного метлой.
3. Лопата (совковая и снегоуборочная): расчистка, перенос и погрузка мусора, сдвигание снега, расчистка, перенос и погрузка снега.
4. Вёдра (ёмкости): ручная переноска твердых и жидких отходов и мусора.
5. Грабли (обычные и веерные): уборка газонов (от скошенной травы, листьев и веток деревьев, мусора).

Вспомогательные средства:

1. Топоры: рубка кустарников и веток деревьев, изготовление кольев и их забивание.
2. Пила: отпиливание веток деревьев, распиливание крупного древесного мусора.
3. Кувалда: раскалывание и компактификация мусора, забивание кольев и стоек ограждений.
4. Коса: кошение травы.
5. Вилы: загрузка скошенной травы и отходов в контейнер.
6. Секатор: обрезание побегов и нетолстых веток у кустарников и деревьев.
7. Носилки (рабочие): переноска мусора, песка, грунта.
8. Лом (инструмент): колка льда, уборка камней и тяжелого мусора.
9. Щётка-смётка: Уборка стружек, опилок и пыли с уличного оборудования.

1. Средства механизации:

2. Тележки (тачка): перевозка инструмента, песка, грунта, мусора.
3. Грузовые автомобили: перевозка крупногабаритного мусора на свалки.
4. Газонокосилка (бензиновая, электрическая, механическая): кошение травы, подстрижка газонов.

Ёмкости для сбора мусора и отходов:

1. Мусорные контейнеры (баки).
2. Мусорные урны.
3. Мусорные пакеты (мешки).

Спецодежда:

1. Рабочие рукавицы, рабочие перчатки.
2. Рабочий костюм спецодежда, комбинезон, полукомбинезон.
3. Сигнальный жилет (оранжевого цвета) со светоотражающими полосами. (О, моя мечта!)
4. Обувь рабочая, сапоги.

Расходные материалы:

1. Вода: полив территории, газонов, растений.
2. Песок: уборка разлитых смазок и масел, при уборке экскрементов (животных и человека!), как противогололедное средство.
3. Соль: как противогололедное средство.
4. Реагент противогололедный: противогололедное средство.
5. Краска: покраска лавок, скамеек, беседок, оборудования детских (качели, карусели) и спортивных (лесенки, турники, брусья) площадок.

Подсобные помещения:

1. Дворницкая: подсобное помещение для хранения инвентаря и спецодежды.

Нет, ну красота же! Одних инструментов двадцать один пункт, не считая спецодежды и расходных материалов. Аж вода и регенты какие-то

противогололедные. А возжеленный светоотражающий оранжевый жилет? А пропахшая трудовым потом и соленым огурцом с валенками дворницкая? Эх!

Ожидание варваров

Греб потихоньку, прикидывал, сколько осталось до Нового года. Вспоминал Довлатова, что «Отменить, или хотя бы отсрочить это буржуазное явление, партия не в силах. Значит, будет пьянка!».

Значит, первого января говна будет по колено.

Народ оттянется.

Как умеют, похоже, только у нас.

Накануне

Утром ракали с бабой Зиной махами. Жулька приветливо взвизгнула и выскочила на дорогу. Подбежала, ткнулась в ладонь и ускакала.

– С наступающим, – сказала баба Зина.

– И вас, – ответил я.

– Гав, – присоединилась Жулька.

– Само собой.

Барин не звонит и не пишет. Четыре дня минуло, а мы так и не пришли к соглашению. Не обговорили концепцию. Не собрали саммит.

Вообще ноль по фазе.

Я гребу по-старому, подбираю мусор, подрубаю кучку, кормлю собак, любуюсь блондинкой. А барин, видимо, где-то руководит.

Короче, сохраняем нейтралитет.

Тотализатор типа скачки

В правом подвальном крыле здания с недавних пор делают грандиозный ремонт. Вдоль всей тыльной стороны свалены выломанные двери с дверными коробками, перегородки и битые кирпичи. Отдельные доски, куски штукатурки и продукты жизнедеятельности рабочих. Нет, не буквально фекалии, а кюветки из-под салатов и (как без них) пустые бутылки.

Я стаскиваю их поближе к мусорным бакам в надежде, что доблестные мусорщики всю эту хрень рано или поздно увезут.

Они не увозят.

Ну да ладно.

Спрашиваю у Вали из обоев, которая в курсе всего:

– Чего делают?

– Никто не знает.

– А ты?

– А я знаю.

– ?

– Тотализатор.

Вот же мать твою! Теперь начнется. Сейчас-то тотализатор находится в соседнем здании ресторана, переделанного из общественного туалета, и я мимо без содрогания ходить не могу. Пара метров около его входной двери – это апофеоз срача. Это поэма экстаза и содрогание плоти, расстающейся с духом.

Но помещение там маленькое, и одновременно срать может не более пяти-семи человек. Теперь-то любители развернутся в новом подвальном комплексе. Пригласят своих друзей и родственников, принесут много вина и водки, колбасной и сырной нарезки в пенопластовых подносиках, укутанных пленкой. Отметят победу и поражение. Отпразднуют. Пропал подъезд, в смысле мой участок.

Накануне-2

До Нового года осталось считай что с гулькин нос.
Народ ожесточается.

Рутинa

Собирал мусор, накиданный от соседнего здания ресторана, переделанного из общественного туалета. Набор тот же самый: пустые бутылки, целлофановые пакеты, закусочные кюветы, пустые сигаретные пачки. Люди допивают после закрытия на пленэре и бросают под ноги упаковку.

Сгреб выпавший снег у обоих входов и аварийного выхода.
Поздоровался с Борей.
Покурил у парапета, подождал блондинку.
Не дождался.
Бросил окурочок в урну, покормил собак и пошел домой.
По дороге мечтал.

Противостояние

Барин не звонит.
Я тем более.
Настроение – нерабочее.
Но с Новым годом, который послезавтра, это никак не связано.
Тридцать первого приду утром, уберусь ударно, отмечая окончание года, отдам повелителю дракона пятьсот рублей, выдам собакам праздничный набор продуктов, и все.
Пока гребу.

ЗРД-3

Доколе!
С другой стороны, хрен с ним.

Новый год

Тридцать первое.
Озабоченный последними приготовлениями, народ мечется с самого утра.
Я гребу.
Боря улыбается.
Барина не видно.

Снега почти нет, так, снежная крошка тонким слоем. Собрал огромные куски прозрачной пленки неизвестного предназначения, разбросанные около мусорных баков. Засунул в бак. Поднял пяток пустых бутылок и коробок из-под сока. Туда же.

Выложил собакам еду.

Покурил.

Ушел.

Свершилось

Первое января.

Встретил Валеру, что греб на моем участке до исторического материализма. От него узнал последние новости:

– Привет, – Валера поддатый.

– Ага, – говорю я.

– Как?

– Ничего.

– А этот-то на курорте, – Валера шевелит пальцами над головой, видимо, изображая предельную развращенность людей, первого января отваливших на юга. А может, рога показывает.

– Который?

– Игорь Иванович.

Черт, а ведь действительно, он же мне говорил, что собирается в санаторий. Барин несчастный, с черными кругами под глазами, худой и мелкий. Весь какой-то средний: не плохой и не хороший, не благородный и не подлый. Слегка надломленный, но не загнанный под лавку.

Стандартный.

Как все.

Благая весть

Павел Флоренский сказал:

«Я научился благодушию, когда твёрдо узнал, что жизнь и каждого из нас, и народов, и человечества ведётся Благою Волею, так что не следует беспокоиться ни о чём, помимо задач сегодняшнего дня».

Семен Франк:

«Иметь христианскую веру – это значит обрести, увидеть, воспринять такую истину, которая, осмысляя нашу жизнь, дарует нам духовную силу спокойно и даже радостно переносить трагизм и бессмысленность нашей эмпирической жизни. Это значит среди страданий иметь источник бодрости и утешения. Коротко говоря, это значит владеть некой основоположной, определяющей все наше жизненное, радостной истиной или благой вестью».

И к этому мне нечего добавить.

Лопата-5

Железо не выдерживает.

Сточились две клепки, крепящие ножовочное полотно на кромке совка. Хуже нет безобразия. Работа превратилась в надругательство над самой идеей. Левый край лопаты режет, а правый хлопает. На сне-

гу остаются интересные косые следы. Дочистил кое-как участок и побежал домой чинить инструмент.

Но сначала, конечно, покурил у железного парапета.

Традиции мы уважаем.

Дома загнал в полотно пару болтиков (винтиков) с шайбами и затянул от души.

Полубовался.

Рождество

После Нового года это второй праздник по интенсивности отмечания. Что-то запредельное. Я такое только первого января видел. Пустых бутылок из-под водки, пива и лимонада не счесть. Буквально убирал лопатой, то есть сгребал в кучу и оттаскивал к мусорным бакам.

Да. Велико в нашем народе чувство сопричастности.

Не скудеет вера!

Когда закончил с пушниной, перешел к снегу. Барин на курорте загорает, а я здесь вокруг кучки интригую.

Пригляд

Растаяло.

Шесть утра. На улице – никого. Сгребая у парадного входа рухнувший с козырька мягкий снег. Из-за угла выворачивает паренек и направляется ко мне. Подходит к двери (я уступаю дорогу) и упирается в нее взглядом, как тот классический баран. Смотрит полторы минуты, уходит. Я тоже подхожу и тоже смотрю – дверь как дверь, даже праздничного расписания работы нет. Но не в шесть же утра?!

Через десять минут подъезжает «Волга», из нее вылезает владелец «Магазина советских товаров», расположенного в подвале напротив офиса хозяина-барина. Мужик шестидесяти лет, такой же убогий, как и его товары, несмотря на весь ностальгический флер. Встает около машины и наблюдает, как я таскаю снег. Потом снова садится в тачку.

Я гребу.

Он сидит.

Я останавливаюсь и смотрю на машину.

Он уезжает.

Воскресенье

Снега чуть-чуть, тем паче повелитель дракона увидел меня у главного входа и, рыкнув двигателем, срезал всю мокрую кашу, заодно пройдясь щеткой. Любо-дорого посмотреть.

– Пятнадцатого аванс будет? – спросил Петрович, который не Петрович, открыв дверь и благосклонно взирая на меня сверху вниз из кабины.

– Соответственно, – рапортовал я.

– Понял.

Я сгреб остатки лопатой и пошел к служебному. Собрал бутылки, пустые сигаретные пачки и выкинул в мусорный бак. Очистил площадку перед парикмахерской. Потом покурил у парапета. Бросил бычок

в бак и, пользуясь оттепелью, размягчившей снег, еще немного посрубал кучку. Так потихоньку мы ее с Борей и домучаем. Его, кстати, не видно.

Перевернул лопату и посмотрел на свежие винты, крепящие полотно. Да. Вчера только поставил, а сегодня уже срезаны под углом в сорок пять градусов, ровно до половины. Придется пополнять запас крепежа. Так-то у меня штуки три еще есть, а требуется минимум два десятка. С шайбами.

Вернется барин с курорта, надо будет потребовать у него денег на расходные материалы, а то я уже все личные запасы истощил.

Выдал собакам еды.

Артисты искусства

Борода для дворника – первое дело. Без бороды один позор и недоумение. Все равно что голым ходить и без лопаты. В связи с этим, отрастив бороду, приобрел я облик пасхальный и назидательный. Каждый норовит за советом обратиться или с разговором подойти. Особенно молодежь. Что дает мне неоспоримое преимущество девушек до тридцати пяти лет называть – дочками, а чуваков – сынками.

Многие ржут.

Особенно девушки.

Уругвайский симаррон

Пес к столующейся банде прибился. Это – нечто. Собака Баскервилей отдыхает. Я, как первый раз увидел, думал, померещилось. Глаза желтые, сам коричневый, гладкошерстный, ростом со слона, выражение лица – ты че, мля?

Я ему:

– Песик, песик...

А песик сожрал весь завтрак общаковый, рыкнул на банду и ушел в туман.

Собачки на меня смотрят.

– Да я-то что? – говорю. – Сам испугался.

Экипировка

Конечно, роль дворничьего фартука сейчас исполняет оранжевый жилет. А вместо ароматного овечьего тулупа – синий форменный бушлат с промонашивками. И только с головным убором – беда. Уж лучше моя белая шапка с красным помпоном и двумя кисточками, чем черная вязаная террористическая.

Симулякр

Забыл дома, на полке около входной двери, собачью еду. Вот ведь незадача. Хоть возвращайся. Собачки мои посмотрели грустно, а одна маленькая рыжая с черным пятном на носу – недоуменно.

– Понимаю, – сказал я, – виноват.

– Что ж ты, едрена канитель, – ответили собачки.

– Сейчас, – пообещал я.

Полез в мусорные баки, как назло, ничего съестного, вообще.

– Сидите тут, – велел я и пошел домой за пакетом.

Не люблю, прервав раз и навсегда установленный график работы, бегать домой. Весь настрой сбивается. Пока туда-сюда, придешь, еду выложишь, перекуришь по ходу – народ уже попер. Упущен девственно нежный момент единения дворника и природы, лопаты и снега. Бесконфликтная среда грубо попирается спешащими по делам гражданами. Налицо противоречие между поэзией труда и деловитостью заработка.

С другой стороны, нельзя быть рабом привычки.

«Отсекай привязанности».

Инструкция № 1

Настоящий дворник чай пьет только вприкуску и никогда внакладку. А водку закусывает мятым ватным огурцом, коих у него должна быть целая бочка.

Стиль

Срочно нужен треух обыкновенный (*treuhus vulgaris*).

Место встречи

Взял у Бори тяжелую пешню и срубал лед у главного входа. Отмерил квадрат, три метра на три метра, и тюкал. Подо льдом плитка, поэтому бил с оглядкой. Когда закончил, то сгреб осколки льда и полюбовался работой.

Закурил.

Подъехала «Волга» мужичка из «Магазина советских товаров», он выбрался наружу, и у нас состоялся примечательный диалог.

– Здорово, – говорит мужичок.

– Доброе утро, – отвечаю я.

– Сруби еще здесь.

Я, признаться, приказы, отдаваемые таким тоном, с детства не люблю, поэтому интересуюсь:

– Ась?

– Вот этот бугор, – мужичок показывает на смерзшийся вал снега вдоль боковой стены входа в подвальный этаж.

У нас с барином насчет этой стены уговора не было, но я все равно там подрубаю время от времени (вообще за инициативу надо бить по рукам).

– Слушай, спекулянт... – начинаю я.

– Я не спекулянт, – мужичок ожидаемо разволновался.

– А кто?

– Я всю жизнь на производстве!

– В мясном цеху?

– На заводе! Имени Куйбышева! Я только после перестройки торговать начал! – еще немного и рванет на груди дубленку.

Я припоминаю текст:

– Вот тогда-то ты нас всех и продал. Всех тех, кто в девяносто первом пули бандитской не испугался, а продолжил ходить на родной завод,

невзирая на приватизацию и разворовывание. Всех продал... Из-за тебя, паршивой овцы, капиталисты будут думать, что они рабочего человека могут купить...

– Нам зарплату не платили! – почти закричал мужичок.

– Ты не зарплату, ты совесть потерял, – тихо ответил ему я.

И услышал в своем голосе не злобу, а отчаяние.

Эх, жизнь

Конечно, не бывает так плохо, чтобы не могло быть еще хуже. Но и не бывает так, чтобы после этого «плохого» не наступило облегчение. Да и «плохое» весьма относительно.

Сколько себя помню (а помню я себя недолго), за любым говном приходила радость. Тоже, кстати, спорная.

Стиг Ларссон, популярный писатель

Трилогию «Миллениум» так и не купил. То есть денег-то я накопил, а тираж закончился. Девочка-продавец в магазине так и сказала:

– Ноу.

– В каком смысле, – поинтересовался я, озадаченный ее английским.

– В прямом. Выбрали весь тираж.

– Дык...

– Кино посмотрели (американское) и раскупили.

Утро туманное

Гребу у парикмахерской.

На улице очередная оттепель – плюс один в шесть утра. Молочный туман, хоть пенки снимай. Сначала из тумана вынырнул и прошел мимо Павлик Лаврентьев по прозвищу Лаврентий Палыч. Не Берия. Прошел и мрачно кивнул головой. Скрылся в круглосуточном лабазе.

Следом подъехал повелитель дракона, библикнул, помахал рукой из кабины и (чуть не написал – скрылся в круглосуточном) скрылся за углом.

Потом степенно подошел патриарх всех местных дворников Иван Пантелеймоныч и сказал... Но сначала стоит описать его внешность, которая заслуживает исключительно былинных (эпических) выражений.

Итак.

Примерно, семидесяти пяти лет. Среднего роста, но косая сажень в плечах. Русая (с проседью) окладистая борода до середины добротного бушлата темно-синего цвета. Русые же кудри почти до плеч, из-под серой вязаной шапки. Голубые, слегка выцветшие глаза и кустистые черные брови над ними. Широкие (надо думать, мозолистые) ладони и узловатые персты. Высокие светлые чистые валенки с калошами. (Едва не забыл – солдатский ремень поверх бушлата.) Неторопливая речь и привычный голос, которым он речет:

– С утра плюс один.

– Здравствуйте, Иван Пантелеймоныч, – я останавливаюсь.

– Вот я и говорю, может, сам растает?

– Может, – я вгоняю лопату в остатки пресловутой кучки.

Иван Пантелеймоныч внимательно смотрит на подтаявший снег, на небо, на стену магазина и торжественно выдает:

– Нет! Сам не растает! Придется убирать!

Генезис

Есть только жизнь и смерть, а между ними – любовь.

Вот и вся философия, епть.

Домашнее музицирование

Дима Фиолетов-Носов – отраженная личность и чемпион антистереотипов.

Сейчас объясню.

На любое стереотипное поведение или реакцию существует анти-стереотипная реакция или поведение, которые, в свою очередь, тоже являются стереотипами. То есть если человек говорит, что фильм «Аватар» – говно, то это стереотип, а если говорит, что это прорыв в киноиндустрии, то и это стереотип. Приляпывание ярлыков без малейшей попытки задуматься над явлением или продуктом. И так далее.

А отраженной личностью Дима Фиолетов-Носов является потому, что давно утратил подлинную и единственную, где еще не перестает быть, так только в моей памяти. Он в ней (памяти) отражается. Я помню его таким, каким он был в юности, до начала распада и безудержного пьянства.

И если человек, сохранивший себя, может оперировать такими понятиями, как «говно» и «ништяк», осознанно, то отраженная личность кроет только стереотипами, впитанными из всевозможных средств массовой информации. Или антистереотипами. Гоняет их по кругу и постоянно сбивается.

С Димой разговаривать, тяжело и я трусливо прячусь, когда он рано утром идет за бутылкой в круглосуточный лабаз.

Дефлопе с крутоном

К центральной двери, где я гребу уже двадцать минут, подлетает повелитель дракона, открывает дверь кабины и радуется:

– Деньги нужны, дай телефон этого самого. Я аванс попрошу.

Я даю телефон «этого самого» (хозяина-барина), а Петрович уточняет:

– Он вообще кто?

– Капиталист, – честно объясняю я.

– На чем ездит?

– На «хонде» внедорожной.

– Так, значит, у того входа не его говно?

Петрович имеет в виду старенький «фольксваген», брошенный на дороге у служебного входа пару дней назад.

– Нет.

– Жаль.

– ?

– Да, понимаешь, так неудачно стоит. В общем, я ему по борту ножом задел. По всему.

Петрович что-то еще говорит сквозь суховатый треск дизеля, но разобрать невозможно. Мы прощаемся с повелителем дракона, и я иду посмотреть задетый борт.

Нормально так, ровно, вдоль всей машины неширокий, но болезненный рубец. По краям краска облетела, ближе к багажнику, где Петрович начинал путь – поглубже, а у капота – помельче.

Не думаю, что попросить внеплановый аванс, Петрович хочет для того, чтобы компенсировать потери владельцу «фольксвагена».

Мы бы этих владельцев живьем ели.

Авансы поют романсы

Первый раз со дня отъезда на курорт и приезда обратно позвонил хозяин-барин и оповестил:

– Аванс трактористу в парикмахерской оставлю.

Я аж разволновался – сколько лет, сколько зим. Сколько воспоминаний. Но вслух произнес:

– А?

– Она до восьми работает, скажу: для Олега, зайдешь, заберешь.

– А...

Но он отключил телефон.

Интересно, подумал я, а дальше-то что?

На следующий день, утром, стреляя в воздух дизелем, подлетел Петрович.

– Ну как?

– В парикмахерской.

– Кто?

– Аванс.

– Чего?

Я Петровича понимаю, сам страдаю от несовершенства человеческих коммуникаций. Поэтому достал из кармана личные пятьсот рублей и отдал. Подумал, что днем зайду в парикмахерскую и заберу деньги у мастера первой категории Наташи. Совершу обмен, такой аванс за аванс.

И это уже превращается в систему.

Наши люди

Шесть утра, тихо. Гребу потихоньку у парикмахерской.

Мимо бегут люди, прыгают, как чупакабры, через сугробы, а я гребу. Хорошо. Так, иногда, присмотришься – жить можно.

Идиллию нарушает кудрявый мужик в годах, с бутылкой пива в руке:

– Командир, ты утром мусорную машину видел?

– Нет, – я перестаю шваркать.

– Жаль, – мужичок искренне опечален.

– Да что случилось-то?

– Друг у меня на ней работает, его точка. Хотели вместе опохмелиться.

Кудрявый теребит пачку сигарет:

– Опоздал, видать.

Мужичок уходит, а я закрываю рот.

Мысль изреченная есть ложь

Говорил с собаками о справедливом устройстве мира.
Слушали внимательно.

Мороз!

Холодно.

Руки мерзнут в тонких перчатках строительных. Где бы свистнуть рукавицы меховые утепленные. Пока приходится через равные промежутки времени бросать лопату и растирать пальцы. Я так понимаю: когда сжимаешь лопату, кровь в кистях плохо циркулирует. Иначе чего так ломит?

Боря натянул шапку поглубже и бежит с картонной коробкой, полной мусора.

– Здорово, брат! – кричит.

– Здорово, – кричу я в ответ.

– Как дела?

– Зашибись!

Тут я поскользываюсь и падаю на дорогу. Чертыхаясь встаю, отряхиваю штаны и куртку.

– Мать вашу, – произношу вслух.

Потом еще раз:

– Ну, мать же вашу.

На душе становится легче.

Поднимаю лопату и продолжаю сгребать снег у парикмахерской.

Белая гадость лежит за окном

В мороз снег не идет, и белой гадости из песни Цоя как раз и не наблюдается. Хожу, сгребаю пыльцу, подбираю пустые бутылки, пачки, пакеты из-под чипсов, раскладываю собакам еду и курю у парапета.

Ни тебе блондинки, ни тебе алкашей – всех разогнало похолодание.

Да и меня оно подгоняет, быстро заканчиваю свои дела и топаю домой, греться под душем и пить какао.

Машу на прощание Боре рукой.

Зы.

А снег ни разу не гадость.

Франшиза

Зимой лето кажется недостижимым. Такая штука, когда осенью смотришь в окно и видишь унылый пейзаж с дождем, то с трудом верится, что неделю назад еще светило солнце и было относительно тепло. То же и зимой, она – бесконечна. Хотя уже переломилась и пошла на поправку как больная бабушка. В четыре часа дня – светло. И в пять светло, а двадцать дней назад, было – глаз коли. И все это из года в год, такая вечная франшиза Создателя. А дворники ходят за сменой времен года как миниатюрное воплощение времени. Лопата сменяет метлу, метла – лопату.

Зы.

Или как Боди с бандой серферов-налетчиков за волной.

Легенда о Черном Дворнике

Жил-был дворник, имя которого история не сохранила. По одной версии его звали – Питирим, а по другой – Анисий. Греб около пяти-подъездного кирпичного дома и горя не знал. Здравовался с жителями, ладил с участковым, получал зарплату в ЖЭКе. Заботился об инструменте и летом красил мусорный бак (в желтый цвет) по собственной инициативе. Пока однажды с балкона некоего депутата городского созыва, жившего в оном доме, не выбросили пустую бутылку из-под виски Ardbeg Lord of the Isles.

С четвертого этажа на газон. Имя депутата история также не донесла, вроде его звали – Ростислав Мстиславович, но, возможно, и – Саул Иннокентьевич. Дворник в это время грабил граблями траву с целью очистить газон от мусора. Когда бутылка упала, подскочила и покати-лась под уклон, дворник поднял голову и узрел на балконе наглую рожу депутатского холуя Игорьька.

– Что ж ты делаешь, мил человек, – поинтересовался дворник, – а если бы здесь дети играли?

– Чаво? – в свою очередь спросил холуй и швырнул вслед за бутылкой окурок сигареты «Кент» четвертый номер.

После чего скрылся с глаз.

Дворник подобрал бутылку, бычок и отнес в мусорный бак. Потом провел беседу с жителями и выяснил, что сам депутат давно в этой квартире не живет, а с недавних пор в ней ночует его шофер и порученец, тот самый холуй с жирной мордой – Игорек. Дворник поднялся на четвертый этаж и позвонил в депутатскую дверь.

Дверь отворилась.

– Пошел на... – приветствовал его холуй, чем попрали все самое святое из небольшого, но четкого списка дворницких моральных ценностей.

– Хм, – ответил дворник и ударил Игорька по голове граблями.

Дворник инструмент из рук никогда не выпускал, держась за него как за якорь, связующий с миром. Здраво рассуждая, что без инструмента он только былинка на ветру, а с граблями или лопатой – человек, облеченный ремеслом, а значит, создатель прекрасного.

Игорек упал на пол, и из его головы, пробитой зубьями граблей в нескольких местах, потекла кровь. Дворник же вызвал скорую помощь и милицию от соседки Галины Васильевны. А потом сел на лавочку около подъезда дожидаться расплаты, которая не задержалась. Милиция сообщила депутату, депутат перетер с милицейским начальством, полковником Учпук-заде, и дворнику после всех пертурбаций отмерили четыре года по статье номер двести шесть, часть вторая. Почему-то с полной конфискацией имущества, состоящего из валенок с калошами, мотка бечевки, чайника и ножовки по дереву. Видимо, в пользу депутата.

С тех пор дворника никто не видел, но спустя несколько месяцев Игорька, большого любителя бухать по вечерам на балконе депутатской квартиры, под ним и нашли. Под балконом, лежащего на газоне в трусах и майке, раскинувшего руки и устремившего взор ввысь. От Игорька явственно пахло спиртным, и следствие пришло к выводу, что холуй сверзся с высоты по пьяни, и если бы не одно обстоятельство, на которое милиция предпочла закрыть глаза, так бы все и было.

На груди Игорька следак Агафонов обнаружил несколько колотых ран, больше всего напоминающих след от удара граблями, а горло хо-

лдя было перерублено острым предметом. Не исключено, что стальной полосой, закрепленной на совке лопаты. И еще, местные жители накануне ночью слышали звук напоминающий швырк лопаты скребущей асфальт, что для поздней осени было странно и таинственно.

Так что если вы иногда просыпаетесь ночью или ранним утром от непонятных звуков, раздающихся то ли под окном, то ли черт его знает где, то это Черный Дворник начинает свою работу. Сгребая мусор матерных слов и пепел мздоимства, тлю вседозволенности и слизь власти. Подметая купюры, не имеющие души, но имеющие все вокруг.

Дворник высоко заносит острую кромку стального совка, прежде чем вонзить ее.

И горе тому, кто попадет под его лопату.

Чисто спортивная гребля

Мы, естественно, все полупрофессиональные спортсмены.

(А некоторые профессиональные.)

Гребем.

Дисциплина у нас несложная, но тщательная и ответственная. Защищаем чистоту Родины. И чистоту помыслов населения, хотя для нас они – народ. Это для депутатов люди – население, а для дворников – соотечественники.

Если не сказать хуже.

Один на льдине

Дикий холод.

Снега нет, кругом черный лед.

Вообще марсианский пейзаж, если верить тем, кто там побывал. Людей почти нет, круглосуточный лабаз закрыт, и Бори не видно. Достая из мусорного бака большую картонную коробку и иду собирать урожай. После выходного урожай обилен. Набиваю коробку с верхом, тащу к бачкам, падаю – поскользываюсь.

Сильно болит замерзший большой палец правой руки, снимаю голицу и начинаю растирать. Не помогает. Пытаюсь закурить, зажигалка не горит, скукожилась на морозе. Грею ее в руке, наконец, закуриваю. Тру пальцы.

Холодно, мать твою.

То есть сам я более-менее, а вот кисть замерзла до бесчувствия. Впопору засовывать его куда поглубже, чтобы отогреть, например в штаны или за пазуху.

Когда вернусь в квартиру, в относительное тепло, пальцы начнет ломить.

Докуриваю, оглядываюсь, глажу собаку по загривку, говорю:

– Эхма...

И иду домой.

Все свои

Снега почти нет, я достаю из мусорного бака картонную коробку, иду собирать ежедневную дань. У парикмахерской здороваюсь с Борей.

– Привет, брат, – Боря стабилен.

– Привет.

– Как дела?

– Нормально.

Обычный обмен: пароль – отзыв. Система свой-чужой сигнализирует: опасности нет. Забив коробку до отказа, встаю покурить у парাপета. Потом подхожу к остаткам пресловутой кучки и пытаюсь рубить лед. Мимо чешет одноклассник, не узнает, вглядывается, узнает. Та же система сработала, его локатор зацепил мои позывные, волей-неволей передаваемые в эфир. Базовые модули опознавания, установленные еще в школе, не заржавели.

Пи-пи-пи-пи.

– Олег? – спрашивает он.

– Олег? – спрашиваю я.

Это не шифр, просто мы тезки.

– Ты чего здесь? – удивляется он, как будто на школьной скамье я хватал с неба звезды, а не числился кандидатом одновременно в дурдом и на малолетнюю зону.

– Гребу.

– А я на работу.

– Как дела? – проявляю вежливость.

– Да как тебе сказать...

Тут я по-настоящему заинтересовываюсь:

– Что такое?

– Ремонт все деньги съедает, мы же переехали – ты знаешь. И машину разбили вторую, ту, что в кредит купил. На первой-то жена, а на этой я.

– Что значит «разбили»?

– В меня врезались... Ладно, я побежал, а то опоздаю, – говорит Олег.

И пожав мне руку, действительно, бежит.

Я смотрю ему вслед и думаю: неужели я такой же старый? Такой мужиковатый и замученный? С мешками под глазами и тошнотворным дыханием? Мы же ровесники.

Вот блин.

Зы.

О том, что он переехал, я никогда в жизни не слышал.

Все свои-2

Люди занимаются не тем.

Клянусь.

Покупают в кредит полумиллионные машины, бьют их, потом тащатся по судам, доказывая, что не верблюды, не забывая выплачивать по счетам совершенно неприподъемные для их бюджета суммы. Меняют квартиры с колоссальной доплатой, залезая в чудовищные долги.

Нервничают круглосуточно, испытывая боли в спине.

Стареют на глазах от съедающих душу проблем.

Бухают почем зря, хрен знает с кем.

Не закусывают.

А могли бы заниматься чем-нибудь более приятным.

Например, грести снег и писать рассказы.

Да хоть выпиливать из трехмиллиметровой фанеры симпатичных зайчиков.

Или коллекционировать плюшевых мишек со швом на носу (моя любимая модель).

А они...

Чего-то пальцы разболелись, при сгибании щелкают противно, видать, уходит жидкость из суставов, как предсказывал тысячу лет назад опереточный мужик, отработавший двадцать годков дворником университета.

Вот тебе и приятное занятие.

Любовь – не вздохи на скамейке

Степан Щипачев был прав.

Сегодня слушал чирикание воробьев. Целое полчище сидело на кустах и надрывалось. Потом вдруг замолкало, а через десять секунд опять орало. Это они весну чувят, надо думать. И на соседнем кусте то же самое. Сначала хор выдает мелодичный треск, переливающийся волной, а следом раз!.. и тишина.

Воробьи круглые, нахохлившись от холода. Как лохматые шарики.

Я встал ровно посередине и слушал.

Прохожие меня огибали, некоторые были недовольны.

Нечаянная радость

Собрал мусор у главного входа, потом вдоль тыльной стены магазина, у баков и вышел к служебному. Тут-то она меня и ждала – радость. Строители, суки, выбросили весь хлам к дверям. Ремонт они в правом крыле делают, тотализатор размещают около барского офиса, что возле туалета.

Пленка, асбестовые (гипсоволокнистые?) плиты сломанные, доски, картон, какие-то пакеты и прочая ерунда. Много накидали.

– Еж твою медь, красавцы! – примерно так воскликнул я, увидев сюрприз.

Набрал коробок из баков, расставил их вокруг горы мусора и стал паковать. Утрамбовывал час, несколько раз бегал, вытряхивал и возвращался. Крупногабаритную хрень относил отдельно, мелкую загружал лопатой. Много ругался, но про себя.

Примерно так.

Это ж надо, какие гады строители. Это что ж, так каждые день теперь будет? Это ж ни в какие ворота не лезет!

И так далее.

Решил непременно поговорить с барином, нарушить, так сказать, нейтралитет. Выйти на новый уровень. Поставить ультиматум. Или я, или они. Или пан, или пропал.

Хотя барский ответ я примерно знал.

Когда закончил, прошелся дорогой и поднял пивные бутылки с пакетами из-под чипсов. Встал у железного парапета и закурил.

И чего?

Плач

Собачки вы мои родные. Ау?

Встреча в верхах типа Потсдамской конференции

Виделся с барином.

То есть сначала договорился по телефону о randevу.

– Неплохо бы трактористу денег заплатить, – в своей пораженческой интеллигентской манере после взаимных приветствий сообщил я.

– А? – тоже типично отреагировал барин.

Когда я был маленьким, то многие мои грубые товарищи по недетским играм на данное восклицание всегда отвечали твердо и однозначно: «Хрен на».

Но я сдержался.

– Ага.

– А что, уже тридцать первое?

– Оно, родимое.

– Приходи к двенадцати, поговорим.

– Сегодня? – уточнил я, зная выходы барина наизусть.

И барин не подвел:

– Завтра.

Завтра так завтра, а пока можно чаю выпить с пампушками.

Встреча в верхах-2

– Еще раз выкинут мусор к дверям, буду бить лопатой по голове, – в бодрых тонах начал я нашу с барином встречу.

А продолжил так:

– Или того лучше, оставлю все как есть, пусть комиссия любит.

– Я с ними поговорю, – барин сидит за столом и руководит мировой движухой, – со строителями. Сегодня же.

– Так иди, говори, вон они шуруют.

– Вечером.

– Вечером?

– Да, – барин утыкается в телефон, randevу закончено.

– А деньги? – грозно вопрошаю я.

– Ах, да-да-да, – барин лезет в карман, достает портмоне и отсчитывает купюры.

– Не понял? – денег нам на двоих с повелителем дракона явно мало.

– Понимаешь, – начинает барин, – я еще не всех обошел, не со всех собрал. Завтра доберу.

Это он своих арендаторов имеет в виду, тех, кому сдает подвал и с кого берет дань за уборку.

– Из личных плати.

– Нет личных.

– Нет?

– Нет.

– Значит, со строителями вечером, а деньги завтра? – я себе напоминаю монтера Мечникова из романа Ильфа и Петрова, того, который – утром деньги, вечером стулья. Только здесь прикуп на руках у барина.

– Я гарантирую, ты же меня знаешь?
Вот именно.

Дворницкий досуг

Перечту-ка я «Жизнь Арсеньева», Ивана, значит, нашего Алексеевича. Всегда она на меня хорошо действовала. Сдерживающе.

Да! Теперь решено. Без возврата...

Встал, как обычно, ни свет ни заря. Умылся холодной водой. Попил цикорию с хлебушком. Повздыхал, глядя в темное окно. Сунул в карман малахая пакет с собачьей едой и пачку сигарет. Взял лопату и выдвинулся на участок. Шел и думал: ну не дай бог там мусор строительный валяется. Ну не дай бог барин сегодня оставшуюся сумму не отдаст. Ну не дай бог... Да много чего еще думал, и все «не дай бог».

Куча мусора, естественно, ждала меня на месте.

Еще больше, чем накануне.

Я ее аккуратно обошел и занялся своими обычными делами в бес-снежное время – сбором бутылок и пакетов в коробку.

И даже не ругался, ни про себя, ни вслух.

Вечером позвонил барин и попросил прийти. А когда я пришел, предъявил свидетеля и убедительно доказал, что строительный мусор к служебным дверям подкинул Боря. Элементарно перетаскал от баков, куда его вынесли строители, к нашему входу. Барин объяснил причину. Что-то там с арендой и подписанием договора на складирование мусора. Типа эти емкости хозяина Бори, а не наши.

Но я даже не особенно удивился.

Мне уже было по фигу.

Зы.

Взял лом и пошел рубить лед, я барину еще месяц назад обещал раздолбить. Пусть будет вроде дембельского аккорда.

Хипстер, блин

Надоело, конечно.

Но и возраст не тот, чтобы быть уполномоченным по делам, меня не касающимся. Дома смотрю на лопату, спрашиваю себя:

– Достиг гармонии?

Сам себе отвечаю вопросом на вопрос:

– В чем?

– Не «в чем», а между.

– ?

– Между мечтами и реальностью?

– А как же.

– Так хрен ли сидишь?

Действительно.
Беру лопату и иду грести.
Другого выхода все равно нет.

Предпоследняя мечта

*Мне чтоб и кровать была, и чай хороший,
и разговоры деликатные...*

А.П. Чехов

Любовался наступающей (гипотетически) весной.

Представлял речку, удочку и стакан самогона рядом с черным хлебом. Еще – огурчиком с грядки и рассвет. Раскрытый том Толстого на лавке.

Именно в такой последовательности.

Мужественно думал:

Все, решено, на хрен Ниццу, Монте-Карло и Глазурный берег, уезжаю в деревню. Как только – так сразу. В том смысле, что в мае, едва установятся погоды, тут же на вакации, а то и на постоянное место жительства в село.

В гущу.

В самое сердце.

В посконное.

Зы.

Привет, пейзаю.